

СМЕНА

5

1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На Новолипецком металлургическом заводе сооружается один из крупнейших в мире цех холодного проката. Площади этого цеха в 15 раз превышает размер дворца спорта в Лужниках. Когда начнут работать молоты, полностью механизированные и автоматизированные станы, страна будет получать ежегодно сотни тысяч тонн перовсортной трансформаторной стали. Первая очередь цеха войдет в строй уже нынешнего года. Сооружение его объявлено новой мольской стройкой.

На девятой странице этого номера мы рассказывали о молодежи Новолипецкого завода.

Фото Г. Дубинского

СОЛНЦЕ СОГРЕВАЕТ ВОЗДУХ, А ДРУЖБА—ДУШУ

Как-то одна западная газета заметила, что в поездках Н. С. Хрущева среди сопровождающих его лиц всегда находится «госпожа История».

Ну что ж? Это замечание не только лестное, но и справедливое. Его полностью можно отнести к последнему визиту главы Советского правительства в страны Юго-Восточной Азии — Индию, Бирму, Индонезию и Афганистан.

Советские люди с большим интересом следили за всеми этапами этого большого пути. У радиоприемников, телевизоров, в кинотеатрах, у газетных стендов и киосков ждал новостей весь мир. Люди знали: визит Хрущева — визит мира и дружбы!

«Солнце согревает воздух, а дружба — душу». Эту посылку Никита Сергеевич вспомнил, выступая перед жителями Сурабаи — индонезийского Сталинграда».

МИР! ДРУЖБА! Эти слова особенно дороги молодежи, строителям будущего. Взлетевшие в небо вместе с голубями Всемирных фестивалей, эти два русских слова стали международными: склеивает их в любом уголке земного шара — и вас поймут без помощи переводчика.

Но слово звучит сильно только тогда, когда оно подкреплено делом!

Вот о таком новом благородном деле Советского правительства — учреждении в Москве Университета дружбы народов — молодежь мира узнала 22 февраля, когда Н. С. Хрущев выступал перед студентами национального университета Индонезии «Гаджа мада». Там же Никита Сергеевич сказал слова, которые могут быть обращены не только к одним индонезийским студентам:

«Перед вами счастливое будущее, но путь к нему только один — труд. Как правильно заметил президент Сукарно, справедливое и процветающее общество не упадет с неба, подобно ночной розе. За такое общество надо бороться, его надо построить».

Пробывание главы Советского правительства в странах Юго-Восточной Азии — замечательное событие в жизни свободных народов всего мира.

Крепнет фронт миролюбивых стран, и этому радуется, это приветствует все прогрессивное человечество.

...Закончен еще один визит — сделан еще один большой шаг на пути к установлению мира во всем мире. Впереди поездка Н. С. Хрущева во Францию. «Госпожа История» надо снова собираться в дорогу!

НА СНИМКАХ. Вверху: Индия. В доме премьер-министра Неру. Слева: Индонезия. Н. С. Хрущев и Президент Сукарно рассматривают макет нового стадиона, который строится по проекту советских архитекторов, с помощью советских специалистов. Фото Н. Драчинского.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
Март, № 5, 1960 год.

Год
издания
37-й

Фото автора.

УМЕЛАЯ, НЕУТОМИМАЯ...

Ей двадцать семь лет. Но все село Дегтяные Борки в один голос просило, чтобы Ольга Павлакова взялась хозяйствовать в колхозе.

В этом селе Ольга родилась и выросла. Училась в техникуме, потом в институте. Училась в поле, приезжая на каникулы домой. И техникум и институт окончила с отличием. В числе лучших выпускников ее оставляли в аспирантуре.

— Меня ждут в родном колхозе, — сказала Ольга.

Колхоз, где прошло детство, был одним из самых бедных на Рязанщине. Но это не смущало Ольгу.

— Будем вместе ставить хозяйство на ноги, — сказала она землякам.

Два года работала в колхозе молодой агроном. Два года шла война за урожай, за культуру хозяйства. Не только обширные знания привезла Ольга Павлакова в родное село, но и умение понимать и слушать людей. Большую любовь к земле заметили односельчане в молодом агрономе, и когда пришла пора выбирать председателя, все в один голос сказали: «Ольгу Тимофеевну!».

Двадцать семь лет человеку, а сколько забот не побоялась звать на свои плечи! Утром подниматься надо вместе

с доярками, а ложиться, когда затихнет мотор на сельской электростанции, когда погаснут последние огни в домах. Тысячи дел у колхозного председателя, тысячи забот, и со всеми справляется Ольга Павлакова.

Гордость колхоза — электростанция — построена при новом председателе. Построен детский сад в Дегтяных Борках, новый гараж, свинарник, коровник, новые жилые дома.

Вместе с другими хозяйствами области колхоз, руководимый Ольгой, выполнил большое обязательство по производству мяса. Круто в гору идет хозяйство в Дегтяных Борках.

Когда в Кремле гостили рязанские женщины, среди них была и Ольга Павлакова. Она выступила с коротким деловым словом: «Сделаем все, чтобы рязанские села жили богато, чтобы не было отстающих колхозов».

Недавний рапорт показал, что слово у рязанцев не расклетывается с делом. Рязанцы взяли новые высокие обязательства. Они выполнят их. Выполнят потому, что много в рязанских селах неутомимых тружеников, умелых организаторов и хозяйственников. Таких, как Ольга Павлакова из Дегтяных Борков.

В. ПЕСКОВ

В тот памятный осенний вечер 1954 года Турсуной долго не могла уснуть. Уже давно замолкло радио, а все слышались слова Насыты Серверовны Хрущова, призвавшего широко внедрять хлопкоуборочные машины, чтобы освободить женщин-убебеч от тяжелого ручного труда.

Турсуной вспомнила, как на Среднеазиатской испытательной станции, расположенной по соседству с их колхозом, уже пять лет нехлопоуборочные хлопкоуборочные агрегаты, а в сельхозартели их дием с огнем не слышшь. «Но почему, почему так?» — а который раз спрашивала сама себя Турсуной, но ответа так и не могла найти.

На следующий день она решительно открыла дверь в кабинет директора МТС:

— Хочу стать водителем хлопкоуборочной машины...

Директор машинно-тракторной станции машина и слушать не хотел девушку: парни с машиной справятся не могут — куда тебе! Но шестнадцатилетняя Турсуной твердо стояла на своем: трактором она уже научилась управлять, почему же нельзя доверить ей хлопкоуборочную машину? Она показала, как надо работать!

Механик показывал Турсуной, как водить хлопкоуборочную машину, учил ее ремонтировать узлы агрегата, давал читать учебники по механике. Турсуной оказалась на редкость способной ученицей. Через месяц она уже повела машину по междурядья хлопковых плантаций. Девушка восторженно, с замиранием сердца смотрела, как машина сразу проглатывала массу белоснежных корочек, а бункер заполнялся пушистым, мягким хлопком.

Пора уборки уже кончалась, и Ахунова успела собрать машиной лишь около девяти тонн хлопка с площади в три гектара. Она проработала всего пять дней, но дни эти были для нее праздником. Девушка поняла, что хлопкоуборочный агрегат способен творить чудеса: он заменил на этом маленьком опытном участке труд целой бригады, которым пришлось бы работать чуть ли не месяц!

...Преимущества машинной уборки хлопка были очевидны. Однако председатель колхоза явно притирался к водителям хлопкоуборочных машин. Он утверждал, будто после механизированной уборки на плантациях остается много неубранного хлопка, и доказывал, что введение механизации ударит по карману колхозников...

Свяство Турсуной не было границ. Впрочем, ее радовали не только собственные успехи. Она видела, как с каждой тонной собранного машинными хлопком так ледок недоверия колхозников к хлопкоуборочным агрегатам. Теперь уже противники машинной уборки не решились бы аслуа высказывать свое мнение — их уверенность бы осмелела. И это было главным! Как-то председатель колхоза Далибаев спросил Турсуной:

— Ты знаешь, во сколько обходится центнер собираемого тобой хлопком?

— На знаю, просто не думаю об этом.

— Центнер такого хлопком обходится почти в двести рублей, — сказал председатель и, чуть помолчал, добавил: — Надо снижать себестоимость. Позвай, Турсуной, на Среднеазиатскую испытательную станцию к Валентину Топко. Поучись у него.

Так Турсуной стала ученицей знатного узбекского хлопкороба.

— Учись, учись, Турсуной, скоро учителя своего обгонит. Ты девушка упрямая, — улыбаясь, говорил Валентин и подробно рассказывал ей о методах своей работы.

Советы Валентина Топко очень пригодились Ахуновой. Осенью она собрала машиной во-

— Да бери машину, разве мне жалко? — махнула рукой директор. — Во всех колхозах она ржавеет, никто на ней работать не хочет. Но не по тебе охор, Турсуной, не разгрызешь. Не такие молодцы зубы ломали.

— Значит, гнилые были у них зубы... А что хлопкоуборочные машины без дела стоят и ржавеют, так это вы виноваты! — твердо говорила девушка.

Директор намурнулся и недовольно проговорил:

— Крикливо-то прошче прошого... Позвай обратно, в своей колхоз. Там механик Дмитрий Сидиков уже который год с вашим председателем воюет, да все без толку. Вот и попробуй там, если такая смелая...

Турсуной бордо шагала по дороге, ведущей в родную артель имени Кирова. Она глядела на обширные хлопковые плантации, раскинувшиеся по обеим сторонам дороги, и видела, как между кустами, стелющимися под тяжестью раскрытых белых корочек, мелькали стальные раскорки сборщиц хлопка. Сколько бы по здесь этих рук — сотни, тысячи... А ведь, наверное, одна машина могла бы заменить эти женские руки, выполняющие нелегкий труд!

Механик Дмитрий Сидиков тоже встретил девушку без энтузиазма. Он был уверен: поводит Турсуной вокруг хлопкоуборочной машины и убежит. Так было со многими. И это не удивительно. Из пяти машин действовала только одна, никто не мог отремонтировать остальные.

Да если б и были они исправными, все равно во время уборки много механизаторы предпочли бы сесть за руль трактора: там можно лучше заработать...

— Иришка ты обратню в МТС, Турсуной, — сказал Сидиков. — Все равно ведь сбегешиш.

— Я хочу учиться... не гоните меня, дякая Митя, — тихо попросила Турсуной.

Настоящих девушек поинтересовала механику и Сидиков согласился обучить чернорабочую убечку.

— Машина для них — дело неприглядное, а ручная уборка хлопком дает колхозникам твердый заработок! — заявил председатель на заседании правления.

Эти слова были встречены молчанием. Трудно было понять, соглашались или не соглашались с председателем члены правления... Парвым нарушил длительную паузу Дмитрий Сидиков:

— Мы подсчитали, что оплата труда колхозников при машинной уборке не только не снизится, но при хороших урожаях даже увеличится. А главное, хлопкоуборочные агрегаты высвободят рабочие руки для других участков хозяйства...

— Нам нужны не двадцать гектаров, которые выделены нам для машинной уборки, а по крайней мере двести, — потребовала Турсуной и сама удивилась своей смелости.

Председатель ничего не ответил Турсуной. И разговор, начатый в правлении колхоза, продолжился через несколько дней на открытом партийном собрании.

Коммунисты вынесли решение: смелее переходить на машинную уборку хлопка и уже в будущем году убрать хлопкоуборочными агрегатами не менее двустот пятидесяти гектаров.

Вскоре во главе колхоза стал новый председатель — Ганйиб Далибаев, горячо поддерживавший Турсуной во всех ее начинаниях. Комсомолец Ахунов и коммунист Далибаев стали большими друзьями.

...Турсуной завела выделенный бригаде участок и, улыбаясь, глядела следом ровным квадратом, оставшимся позади трактора. — Осенью я уже самодост тонн хлопка машиной убрала! — поддальлась она своими мыслями с Далибаевым.

— Не слишком ли хитрила? — недоверчиво спросил председатель. — Обещаний на ветер не бросай: все проверь, хорошенько завесь...

Но Турсуной дене первью исполнила свое обязательство, собрав восемьдесят тонн хлопка,

семьдесят пять тонн хлопка, а еще через год — девяносто. Себестоимость центнера убранный хлопок снизилась до 140 рублей.

Имя первой девушки-убечки — водителя хлопкоуборочной машины стало известно асей республике. Колхоз имени Кирова, Чиньского района, послал свою представительницу Турсуной Ахунову в Москву, на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

А вскоре у Ахуновой появилось два ученика: ее муж, колхозный радиотехник Султан, и подруга Насыба Семиджодина.

Осенью прошлого года, когда началась уборочная страда, они повали хлопкоуборочные машины вместе с Турсуной.

Вста о том, что Турсуной облучила двух своих товарищей профессии механика-водителя, облелена всю республику. У Ахуновой появились сотни последователей. Центральный Комитет комсомола Узбекистана одобрил поинн Турсуной и призвав каждого молодого водителя хлопкоуборочной машины последовать ее примеру.

Уже в самом начале уборочной поры Турсуной Ахунова рапортовала о выполнении своего обязательства: «Есть сто тонн хлопком! И тут же заявила: «Соберу двести!»

Слова Турсуной не разошлись с делом: она собрала своей машиной двести десятков тонн. Двести десятков тонн хлопка — это миллион метров тканей, грядущая с половинной тонны масла, двенадцать с лишним тонн мила и сорок одна тонна жмыха. Такого количества «белого золота» в Узбекистане еще не собирала никто.

Обидясь слова знатного хлопкороба Валентина Топко: ученице обогнала учителя! Лишь в одном Турсуной отстает от Топко: себестоимостью центнера убранный хлопок пока остается немного выше. Но Ахунова уверена, что это отставание будущей осенью уже непременно ликвидирует. Ее всегда обещала вырастить на площади сто гектаров пятьсот тонн «белого золота». Она увернет своей маши-

СНЕГ

Этой ночью
Этим утром
Так идет он,
Будто кто-то
озорно,
как в бутылке,
все окрестности взболтал.
И не знает снег,
где найти ему
местечко для жилья

И забыл он,
зачем земля,
почему трава
и зелень
почему.
То идет он сверху вниз,
то снизу
вверх,
озабоченный,
растерянный,
чуждой...

Я прекрасно понимаю
потому что так же было
и со мной.
Время
встало.
А потом пошло назад!
Все часы на свете
канули во тьму.

И забыл я,
зачем сказать,
почему смеяться,
плакать
почему.
Шла за осенью весна,

ной половину урожая всей бригады, и тогда себестоимость центнера хлопка снизится до восьмидесяти — девяноста рублей.

И вот молодая ученица стоит на трибуне Большого Кремлевского дворца и, волнуясь, рассказывает о своей работе, о своих планах на будущее. Горячие, дружные аплодисменты участников декабрьского Пленума ЦК партии очень смущают Турсуной. Ведь, по ее мнению, она не совершила ничего героического...

А на другой день участники Пленума вновь аплодировали Турсуной Ахуновой. На этот раз о ее главных делах рассказывал Никита Сергеевич Хрущев:

— Смотришь на нее и думаешь, какая она хрупкая на вид, но какая энергичная, настойчивая. С какой уверенностью она взялась за машину, не испугалась, изучила ее... Она достойный представитель молодого поколения нашей страны.

Речь товарища Хрущева глубоко взволновала Турсуной. И не только потому, что он похвалил ее, хотя это и очень приятно. Главное, она вдруг ощутила прилив какой-то удивительной силы. Турсуной хотелось работать еще больше и лучше, чтобы оправдать высокую оценку ее труда, данную партией, принести еще большую пользу людям. Ведь сознание пользы, принесенной Родине, — невысшая награда для советского человека.

М. МУХТАСИПОВ

Ростки нового, коммунистического

Ясамен совершает подвиг

Волны с шумом бились о металлические опоры эстакады, выпескленная на деревянный настил хлопяя пены. Затуманенный горизонт предвещал свирепый морд. Опытные нефтяники, знавшие капризы Каспия, нет-нет да и бросали подозрительные взгляды на волны.

На брезентовую куртку электросварницы Ясамен Алиевой падали брызги, а она спокойно работала, напевая песенку:

Каспийское море, от века ты бьешься, как сердце, не спишь никогда...

Дымчатые очки скрывали ее большие темные глаза. Из-под щитка выбивались толстые жгуты черных кос,

собранных на затылке в тугой клубок.

Мимо Алиевой прошел молодой оператор Фарид Аббасов.

— Сколько огня в твоём сердце, Ясамен! — крикнул он на ходу, кивнув головой на ввер акёр.

— Проходи, мураец! — задорно ответила девушка, на мигну оторвавшись от работы. — Огня столько, что я могу испепелить самого шайтана!

Она пришла на морской промысел Нефтяные Камни после десятилетия, решив освоить профессию электросварщицы.

Девушка стала подручной опытного электросварщика Махмуда Рустамона.

— Ой, Ясамен, — говорили подруги, — за мужское дело берешься!

Но Алиева только усмехалась:

— Посмотрим!..

Когда же старый Махмуд-кыши заболел, Ясамен доверили самостоятельно сваривать трубы.

Уставый добродушный мастер то и дело приходил взглянуть на ее работу.

— Не доверяешь мне, дядя Джавад? — спросила его девушка.

— Почему не доверяю, Ясамен? — ласково ответил тот. — Радуюсь, глядя на тебя.

Из будки прибегал взмоложенный радист. Мастер прочитал радиограмму и нахмурил брови.

— Что случилось, дядя Джавад? — с тревогой спросила Ясамен.

— Нефть уходит в море, — сказала мастер, глядя на буровые вышки, силуэты которых едва вырисовыва-

Лирика

потом —
зима.
Позабыл в все слова,
все имена.
Позабыл я даже то,
как ты нужна,—
ты об этом мне напомнила
сама.
Очень гордая,
сама пришла ко мне,
равнодушке обидное
стерпя...
На твояк ресничках
тает первый снег...
Что б я делал,
если б не было тебя!!

ТЕЛЕГРАММЫ

Неужели ты
такая же,
как эта!!
...За окном звенит разбуженное лето.
Нас хозяйка дома
в гости пригласила.
Ничего не скажешь:
да,
она красива.
Да, красива.
Мы об этом ей сказали...
И она глядит глубоким глазами,
чуть раскосыми,
зелеными,
сухими...

Муж ее какой-то физик,
или химик.
И слова ее доносятся,
как эхо:
«Он сейчас в командировке.
Он уехал...»

Никакой я тайны
выдать не рискую,—
телеграмму он прислал:
«Люблю.
Тоскую...»
И еще одну:
«Тоскую.
Жду ответа...»
Неужели ты
такая же, как эта!!

Вот сидит она,
красивая,—
не спорю.
Вот сидит она, довольная собою.
И смеется.
И меняется мгновенно...
А глаза ее предельно открытены.
А глаза ее играют,
завлекая.

Обещая.
Предлагая.
Намекая...
Никогда ханкой я не был!
Слышишь!
Не был!
Но сейчас поверю я
в любовь небель.
В наговоры,
сплетни,
выдумку люблю...

Телеграмму я послал:
«Люблю.
Тоскую...»
И еще одну:
«Тоскую.
Жду ответа...»

Неужели ты
такая же, как эта!!

Мы молчим и курим.
Тихо гнем пиво.
А хозяйня говорит:
«Совсем забыла...
Я сейчас...»
И щем
тушит о ладонь.
И подходит к телефону в коридоре.
Называет адрес длинный,
очень странный.

Говорит:
«Прошу,
примите телеграмму...»
И с усмешкой,
торопливо и привычно
говорит:
«Любимый.
Все идет отлично.

Не скучай.
Твою.
Целую.
Жду ответа...»
Неужели ты
такая же,
как эта!!

СОЛНЦЕ

Это навсегда запомни ты
и людям
расскажи...

Солнце
начинает в комнате
строить
этажи.

Солнце продолжает древнюю
тихую игру:
танет сновью окно
из времени

тонкую иглу.
Вот плывет игла,
раздвигается,
шире становится,
Ветром с потолка сдувается
солнечная вязь.
Вот и солнечные зайцы —
эй,

посторонись! —
в зеркало,
как в пруд,
бросаются
головами винз.
И, тугим стеклом отброшенные,
амиг останев,
скачут

легкими горошинками
по кривоги стене!
Без стана в иверовых линиях,
в краниках
стана.

Солнце
хростящие линиями
хлещет
из окна!
Не лучи уже,
а ворохи
интей,
пламенных и сочных...
Сыели солнечные волни
зайцев
солнечных.

лись в серой дымке.— Труба лопнула за соседней эстакаде. А сварщик в Баку, болен. Надо выматывать аварийную бригаду. Сто ударов на мою голову! Кто рискнет выйти в море по такой волне?
Алена отожлила сварочный аппарат и посмотрела в сторону далеких вышек. Ветер крепчал. Горизонт все плотнее и плотнее затягивала серая мгла. Тревожно кричали чайки.
— Я поеду, — сказала Алена и, круто повернувшись, побежала к будке.— Фарида, едем!

В дверях показались улыбающееся лицо оператора:
— Куда, голубка?
— К соседям.
— С тобой хоть на край света!
И Фарида кинулась к моторному баркасу.
— Это — безумие! — кричал мастер, размахивая руками. — Назад, слышите? Но ни Ясамен, ни Фарида

ничего не слышали. Легкое суденышко то взлетало на зеленые гребни, то проваливалось вниз, а самую, казалась, пучину. Набегавшие волны переваливались через борт, и Ясамен елда успевала вылезать черпаком воду. Ее тревожило одно: «Дотнем ли?»
Фарида понял, что при такой волне к опорам эстакады причаливать нельзя: баркас разобьется в щепки. Поняла это и Ясамен. Когда до эстакады осталось несколько десятков метров, она крикнула:
— Поворачивай назад, Фарида!
И бросилась за борт.
Люди на эстакаде забегали, засуетились.
Алена чувствовала, как тяжелеет на ней одежда. Кружилась голова, перед глазами появлялись темные

круги. Вода то накрывала ее, то подкидывала на гребень волны, играя человеком, как мячиком, а затем бросила ее к железной опоре.

Ясамен, лишь на минуту потерявшая сознание, увидела рядом с собой человека. Она не знала, кто он, да это было и неважно. Сильным движением человек подтолкнул девушку к опоре и дал ей в руки веревку...
Через час мастер Джавад получил радиотелеграмму: «Нефть пошла по трубам!»

К. ХРОМОВ

НИКОЛАЙ ГОЛОЩАПОВ

КОГДА ЗЕМЛЯ ПАХНЕТ...

РАССКАЗ

1

В самую пору предвесенья, когда тяжело и влажно подул ветра и горьковато пахнуло из палесидников корой, ошалевшие от света воробьи начали устраивать на заветренном солнышке такой звон, что глохло в ушах.

В этот денек выскочила из колхозной мельницы Ксюшка Грибанова. Взглянула на сверкающие осколки проталин и зажмурившись — задохнулась после душного полумрака и горького запаха муки. Слышала, как гуляли голуби и падала с тяжелой мерностью в проржавевшее ведро кашель. А когда открыла глаза, увидела перед собой длинного парня в необмотанной телогрейке, в городских, с медными пряжками полюботинках. Он заступил дорогу и рассмеялся прямо в лицо:

— Ой, снегурочка, в какое царство топшишь?!

Ксюшка прыснула в кулак, убежала.

Вечером парень подстерг ее в клубе. Подошел и с чудным полупоклоном — как-то по-стариковски — пригласил танцевать. Спорая от стыда при невнятной церемонии, Ксюшка юркнула в гущу девочек. Три вечера она не ходила в клуб. Когда пришла снова, парень, ни о чем не спрашивая, после танцев пошел ее провожать. У ворот он взялся за железное кольцо и сказал, набавчившись:

— Все равно не отстану...

До этого вечера все свои заботы Ксюшка держала на виду у матери. А тут зажила двойной жизнью, охваченная неземным еще, смуглыми и нетерпеливым ожиданием чего-то невероятного, хорошего в жизни. Однажды утром парника с сухому плечу матери, пряча яркий проблеск в глазах:

— Мам... А, мам... Я, кажется, самая счастливая на всем белом свете.

— Режухаешь ты, кто ли?

Ксюшка замесалась. Смех был грудной, тихий.

2

В полевой бригаде Ксюшке пришлось работать за повариху. Игнатьевна слегла в больницу и лежала там вторую неделю. Ксюшка варила пшенную кашу на молоке и поильную по вкусу уху.

Рыбу по утрам доставал Никифор Сидоров. Ксюшка считала его за несерьезного человека. Был он еще не стар, желтозуб, с побуревшим лицом, в замызганной шапочке, торчавшей коробом на свалывшихся волосах. В колхозе Никифор с весны и до декабря промышлял рыбой долей. Весной работы всем владелица тракторостроителю, а Сидоров валялся в шалаше, сладко и долго скреб там свои бока коричневыми от махорки пальцами, деляя от скуки.

Была Никифору выделена колхозом лошадь с теленка и плетеным коробком. Теленку он не мазал, и Ксюшка за километр узнавала ее тонкий и пронзительный скрип. На ней ездила Никифор из бригады в бригаду — развозил караван. Подлезая к кухне, Сидоров кричал Ксюшке сильным от махорки голосом:

— Прямый, девача, мой ситочкин!

Ксюшка возилась у полевой кухни и слышно не слышала низкого фюрского крика. Ее мутило при виде холодных рыб, отдающих тинной и темным покоем дня.

Чистила она их, ворота нос, зно ширкала тупым ножом по мягкой сизовой брюшине и всякий раз удумлялась раздвинуть желчный пузырь. Уха получалась горькой и мутноватой, будто ее сдвиривали молоком.

Ребят молча лбезали уху и не проносили добавки. Ксюшка крепче поджимала подрагающие губы и глядела в сторону усталым и равнодушным взглядом. Выручал только Женька Жарников, тот самый, что пострелчал её у мельницы. Когда ложка начинала звякать по дну, он протягивал чашку:

— Еще полынчик, Ксюша, будь любезна. Как только ложиться сумерки, к дерам вагончика выписался рыжий пухляк «елстучей маш», развертывал меху банястик, и до ночи гудела земля от отчаянных каблучков.

В полночь высовывал из вагончика аскалоченую голову бригадир и старался перекирчать разгониными девочко:

— Ошалеи вы, стрекотухи! Опять утром за ноги вытаскивать!.. Я вот вас ремнем... Стихал баян, но долто еще около фанерного вагончика слышался горючий шепот. Ксюшка с Женкой Жарниковым уходила из затравянного взгорка, на котором лежал несвет отведку пошавный валуи. За день валуи прогревались и до полуночи отдавали теплом домашней печки...

3

Как-то к вечеру у Женки поломался трактор. Он пригнал его на стан, заглушил мотор и пошел за смешиком Семеном Мызыным. Мызын высунул Женку, зругался. Женка виновато переступал длинными ножищами и хмуро отмачивался.

Заря медленно и тихо накалилась и так же тихо, медленно и ровцо стала остывать. Ксюшка приготовила ужин. Постудала полынником о пустой бак, созилая с столу. Только Женка с Семеном продолжали возиться у трактора. Когда к вагончику вынесли рыжий пузырь, Ксюшка тронула хмурого Женку за рукав:

— Пойдем к себе. Он встал, и они молча пошли на взгорок и теплему валуицу, держась крепко за руки, как дети. Ксюшка ступала мелко и свободно, Женка широко загребал ногами, чуть расквашивал их стороны в сторону. Был он весь какой-то размашистый и угловатый.

У валуи Ксюшка долго устранилась. Подвернула юбку, чтобы не засветнеть, плотно прижалась к шершавому боку камня и, вытягивая ноги, почувствовала, как они горят от усталости. Женка повалился с размаху, уперся спиной в валуи, подтянул острые колени к подбородку.

Стрекотали тракторы.

— Пахнут, — вздохнул Женка. — А Мишук опить на ечерепуху посылал, — вспомнил Ксюшка диаграмму на стене вагончика. — Все-то на один процент не выполнил — и на ечерепуху.

Она словно обжаловала за Мишку.

— Тебе жалко? — осторожно сказала Женька.

— Неправильно это. Помощник бригадир так каждый день на самолете, а Мишка или на — железке, или на ершенках сидит.

— Помощник — мужик мировой. Знаешь, сколько ой земля впахала за свою жизнь? Она подумала, что земля все-таки очень большая. Каждый год земля пашут, а всю ее вспахать не могут. И отец Ксюшки до войны пахал землю, а потом — в День Победы — пришла похоронная.

Где-то высоко почти без гула пронесся самолет — пропалдыла две звездочки, красная и зеленая.

— Ты спишь, что ли?.. Вон спутник пролетел.

— Врешь ты все, Женька...

— Он потрогал как камень у скалаз:

— Давай сделаем из этого камня статую, как те, длинноухие. Оставим памятник о себе.

Он казался некому немому сумасшедшему, и Ксюшка, наверно, от него заржала: раньше не думала о жизни, о земле, а жила просто, и все. А теперь тоже шальные мысли лезут.

Утром Ксюшка снова чистила картошку и думала, что началось такой же день, как вчера, и как вчера, в ее жизни ничего значительного не произойдет.

Коса снова стало пригревать плечи, со стороны деревни показался верховой и потрусил к стаям. По посадке Ксюшка узнала в нем Елку — рассыльного апреля. Не спешиваясь, Елка крикнул:

— Семен Мизин тут?

Ксюшка молча ткнула мокрым ножом через плечо. С самого утра Семен и Женька копошились у трактора. Трактор насаждал кашля, чихал, как простуженный, и не заводился. Елка задирал под бровью мохнатого мерника, ходящего боками, и, размахивая белым листком, закричал на все поле:

— Семен-он, срочная!

Мизин ошалело пробежал мимо Ксюшки в мухобойной шапочке, и оттуда послышался густой растерянный голос бригадирки:

— Вон он что... А может, и не умирает совсем. Почта, она, знаешь...

Женька рассказывал о каком-то острове Паски, о каменных истуканах, об ученом Хейфеде. Ксюшка сначала не поверила, а потом подумала и сказала:

— Ты вот много читал, о длинноухих знаешь, а трактор у тебя поломался...

— Длинноухе тут яри чем...

— Нет, яри чем. У каждого свое дело в жизни. Ты вот зачем пошел в училище механизации, а не на завод? На завод же городской... А пошел а училище, трактор изучать... Она засмеялась: — Надо было хорошо изучить памятник-то свой. А то сев идет, паров вон поднимать надо...

— Ладно. Выступили потом на собрании... Он притянул ее за плечи: — Хочешь, почитаю стихи?

Ксюшка смотрела на звезды и думала: «Неужели и наша земля светится вот так же для кого-то там? Надо спросить у Женьки...»

С ним покойно. Когда он читает стихи, голос становится плавным и чуть невнятным:

Брошей твоих темный вечер
И глаз твоих дед голубой...

Женька врет. Глаза у нее круглые, будто испуганные, а от бездонного зрачка разбегаются частые думные искры. Кошачьи глаза. И тоненькая бровь — не темный вечер... Ксюшка берет покрепче ее обнять, и говорит для острастки, а получается совсем не строго:

— Бессовестный ты, Женька. Распустил руки.

Твердые, как дерево, ладони его становятся горячими. Пальцы, длинные, сильные, подрагивают... Она открывает глаза, видит смутно бледное лицо, мерцающие белки, сердито говорит:

Женька, не хуягани! — и коротко бьет его по щеке — Сьел!

Он ошалело потрог щеку, отодвинулся, забыв свою длинную руку на ее плечах, смущенно пробормотал:

— Ладно, воспитывай...

В этот вечер они больше не разговаривали.

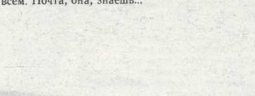

Рисунок Ю. Ракутина.

Ксюшка перестала резать картошку, затала дыхание. Бригадир опять загудела по-шмельному:

— Ты поэзай, конечно... Только что делаться с Жариковым? Напарника-то ему нет. А жена сохнет, пары жадут...

Мизин вышел, являлся грязным кулаком глаза, а Ксюшка увидела вдруг, какой он, оказывается, мальчишка еще, хотя и кричит на Женьку, как старший. Елка протянул ему руку, помог забраться на широкий круп мерника. Выглянул из загончика бригадир с карандашом за ухом, увидал Женьку.

— Как же будешь со сменишком, Жариков?

— А мне, Елизар Гаврилович, не надо сменишка.

— В борозде спать будешь?

— Звем спать? Работать буду... Женька исподлобья взглянула на Мизина и зачем-то содеяла: — Мы в училище за одним столом сидели.

Потом Женька подошла к кухне, прикрутил.

— За вчерашнее не сердись, — тихо сказал он Ксюшке.

Свежо и остро пахла земля. Легкой горничкой веело от цветущих берез. Ксюшка молчала.

— Жариков, ты долго там дышать будешь? Сохнет земля, а мы ухажерочки крутими! — прокричал бригадир.

— Ну так как, Ксюшка? — снова тихо спросил Женька.

— А никак! — Она выпрямилась, сунула руку в вырез кофточки, достала его фотографию. — Верни мою...

Женька растерянно взял твердый глянецкий снимок, потоптался, безнадзорно махнул рукой и поплелся к трактору.

— Мою верни! Сегодня же! — крикнула вслед ему Ксюшка и вспомнила, что Женька теперь будет работать без напарника и она сегодня не увидит его. Подумала как о чем-то далеким: «Вот и все. Кончилась наша любовь...» — схватила крышку котла и обожгла руку. Повернулась спиной к трактору и тихо заплакала от легкой, саднящей боли...

Жариков уже полные сутки поднимал паря без сменишка.

Ночью Ксюшка не вытерпела, разогрела на костре три карася, сварила кашу и пошла к Женьке. Торная дорога вначале пошла по перелеску, потом по старожонской, такой пугающей тишине, что собственное дыхание казалось громким. Потом, перед самым Вороньим молком, Ксюшка будто окуталась в погребную тьму, в сырость овара, испрошло заросшего хлыстами вьюшка. Потенно продохну, она замерла перед спуском и, замурившись, кинулась опретью вниз, как кидаются в холодную воду. А когда вымакнула на теплом поле, почувствовала привычную к спине рубашку и не удержалась спешно сбросить ее. В коленах Женька обрадовалась и тут же глупо спросил:

— Не танцевала?

Она еще не протрела его и поэтому ответила с вызовом:

— Танцевала. С Мишкой. Он и проводил меня сюда.

Женька покуснел, вяло облизнул ложку, убежденно пообещал:

— Я ему ноги переделаю. Вот вернется Сенька — и переделаю.

— А когда он вернется?

— Не знаю. У него мат умирает... Женька отставил чашки, встал и пошел в кабину. — Чего сидишь? Мишка ждет...

— Дурак ты! — сказала Ксюшка и отвернулась.

Она думала о том, почему умирают люди. Если бы она была очень ученой, то придумала бы такое, чтобы люди жили лет до трехсот. Тогда бы на земле было очень много городов, много молодых, веселых людей. Земля бы цвела, и надо, чтобы жило очень много молодого народу...

Женька прыгнула с гусеницы, молча опустелся рядом. Тронул ее за плечо. Ксюшка отвела плечо и стала быстро собирать чашки.

— Ксю-ш...

— Не воображай к себе много-то. Задавка! — Она подыалась и снова пошла в ночь, словно для нее это было привычно...

Утром Ксюшка проспала. Бригадир, едвавившись в вечер деревни, застал ее с непромытыми глазами. Он отругал Ксюшку, а потом добывал:

— Скажу Жарикову, какая ты гулена.

Ксюшка приглотила завтрак, накармила ребят. Потом села на лавочку пригладившей спичек у плиты кухни. Из загончика вышел ученик Десяточка, которого так прозвали ребята за то, что он повторял часто: «Не хватает до процента двух десятков».

Увидев Ксюшку, ученик весело машет рукой:

— Таой-то Жариков на сто двадцать и шесть десятых кроет...

Он садится рядом, легонько касается ее локтем:

— Давай, ты ли, твоих карасей, а то слепая книжка прозреть начинает.

Ест ученик всегда не вовремя. Редко попадает к горчичке. Ксюшка выкладывает карасей, ворчит:

— Подождай же уж. Разогрей недолог.

— Дрова беречь надо, — отмахивается он и ест скоро, жадно.

К ученику подсаживается наслупенный бригадир с красным рубцом через всю щеку — следом от сладкого сна. Выбранные скулы розоваты и отливает синью, вдоль подстриженных висков чистая полоска незатренированных жемчужной поволоки в парикмахерской.

Он молчит, навалившись грудью на стол, тяжело и хмуро дышит бровями, будто ворохачет каменные мыслы.

— Мда... Сколько у нас паров-то подиято? — спрашивает наконец, не поднимая головы.

Десяточка аккуратно обсыпает иглочтые кости, внимательно оглядывает их.

— Семьдесят и одна...

— Так. Еще два четыре, значит, надо. Мда... А Мизин сегодня не вписался. Вряд ли и завтра будет. Управился ли? В правлении торопят, да и время...

— Жариков кроет... Горожани!

— Он-то кроет. Да ведь не железный, без сна-то!

Десяточка смеется: — Вот Грибаново посылать надо. Он с ней неделю не заснет...

Ксюшка краснеет, сунит брови и сердится: — А меня гадючка к кухне привалила? Две недели в бане не было. Завтрак и Юноша стогонит. Не барина. Мне в дерезно надо! — Она не надеется, что бригадир отпустит, и грозит: — Так и знайте, сегодня же уйду. Брошу все и уйду.

— Лады с тобой. Топай... неожиданно соглашается бригадир.— Обед стоговишь и топай... Но чтоб к утру категорически на месте!

6

Дом Ксюшка чувствует себя гостей. Она сходила в баню и теперь бродит по чистой горнице, босая, разомлевшая, уставшая от горячей воды, со звоном в ушах от банного угара.

Мать сбегала к Сидоровым и сообщила: — Никифор в дерезе. Как заверещет, заедет за тобой. От озер-то рукой подать до бригады.

Ксюшка трогает зачем-то длинный рушник с бордовыми пестунами, перенесший через борозду засуху и жару. Когда мать открывает легкий от сухости солнечный букетик лесмертинка в углу основной рамы, гладит локмую горку подушек на широкой кровати. Чуть ли не в середине зимы — заледото до того, как Ксюшка встретилась с Женькой, — зашлаவர் венно-розовым шапками горения, на которую мать давно махнула рукой. Богатый цвет мать приняла за предзнаменование Ксюшкиного замужества и начала готовить ее на выданье, прича грустнее лицо при каждой новой подушке. Когда мать открывает заветный сундук с малиновым перезомом замка и начинает забавлять и тихо перебирать прибавочное добро, Ксюшке становится смешно: она никак не может представить себе невесты. Как же при себе застолье сидеть и целовать Женьку, а кругом бродят кричать: «Горько!»

Мать вымешивает тесто на кухне, и Ксюшка слышит, как мутноватое равномерно постукивает о ладку. Она подходит к матери и смотрит, как в укладывает мискуе хвосты расластанных дней на толстой сочель.

— Ты где рыбу купила?

— У Никифора.

— Вот ладно! В бригады карасей, а Сидоруху лицами кормят? Расчешу я их в правление.

— Много вас, узакончик... Сети у Никифора свои, подкармливает вас — и то ладно.

— Что мы, ишине, чтобы подкармливать? Небось, трудовое ему каждый день платят.

— Не жалуй! — Вдоль ноги приручили мать слезо держаться за немурную заповедь тихой жизни.— Здоровышником то Никифор скринит, как плетены: того и гляди от ветра завалится.

— Как же, завалился? Люди на себе сутяжили не сие и не завалились. Жить надо по-честному, а не одно себе корыто блясти.

Ксюшка уходит в горницу, снимает с кровати тяжелой вязки покрывало, разваливает подушки и тонет в пуховике.

Будет ее мать. Ксюшка с трудом размывает веки и дежит еще с минуты. Потом сладко потягивается, вздыхает протяжно и, пошатываясь, садится к рукомойнику.

Слышен тонкий скрип колес и в самых окон раскатистое: «Тир-ру-у!» — словно по железу прокатился пригорный гакек. Никифор стучит кутиномощем по забору палисадника:

— Деваха-а, фаетон прибавить.

«Говорить разлучили по-человечески...» — кисло усмехается Ксюшка.

Мать сама несет до калитки шерстяной платок, связанный концями в узел, с горячим пирогом и шаньгами. Ксюшка ступает рядом, тянет из рук матери теплый мохнатый узел.

— Успешее еще, какорнишь свое саженого... — носика выглядывает мать и тут же озвоничив спрашивает: — А я хоть уважительный к старшим-то?

женио прачет в складчатых веках маслянистые довольные глаза, вздыхает: — Природа... Или ведь оно што...

— Ты бы хоть телегу смазал, — говорит Ксюшка, отодвигаясь к заледну колесу.

— Смазать можно, — соглашается Никифор. — Да ведь музыка... Едешь, а тут тебе будто радио... и залиново хочомет, мелко трислет плечам, довольный собой.

— Шел бы к нам, сельчанкам. Крутый дель радио. От трактора особенно. Слушай да слушай...

Никифор хихикает и опять трислет плечами, словно Ксюшка сказала ему что-то нелепое. Прижимает вожжи локтем, достает кисет. Странным дель носа и говорит рассудительно:

— Человек должен спарывать работу, что душа просит. Чуть кругом, значит, дух легкий, радостный шед. А так оно того... без проку обернется. — Он всем корпусом поворачивается к Ксюшке и смотрит с любознательством, изучающе.

— Хитрый ты. Дух легкий... Выходит, коли меня поставили поварихой, а моя душа не хочет, так и толку не будет?

— Нет, деваха, не будет...

— А ты што Сидоровым обязалась Ксюшка? — Как пить дель вредь... У нас пока не коммунизм — душу твою во всем облобадот.

— Хе-хе, девахонька... А как же ин того... в речак-то говорит: все, мол, дель человека. Дай тебе дель...

Ксюшка кричит: верно, говорит так. Но наприрает зывалочно и слепо:

— А если надо, тогда как? Ну, вот был бы ты трактористом, и у твоего напарника умирает мать. Пришлось бы работать одному на тракторе стуче, дум, а может, и трос. За себя и за него...

— Как это того... одному? Такого закона нет, что одному да без передышки. Вот и похочуется: обминулась ты со мной... — Он хохочет, заглядывая на спину и подставляя лопатку.

Плануть, арывалось вокруг телети, темнеющее поля с оплеханными ометами детошней солом. Ксюшка смотрит на сгорбленную, пропостешую на лопатках спину Никифора, заподлао спрашивает:

— Ты откуда есть — дущую рыбу на базар, а нам карасей дохлах?

— Как это дохлах? — вскакивает Никифор. — Ты, деваха, говори да не заговаривайся!

— А я скажу в правлении. Или в газету напишу... область прямо.

— Ты гадла! Ты гадла! меня на базаре али бабу мою? Не выдала. И будто тебе судить за поносение личности. А што лыньков по-соседски твоей матери продал, так они в мол стези поплали. Мон, значит...

— У тебя разберешь, где твою, а где колхозное... Выжиги ты, Сидоров. Выжиги и больше никто.

— Што-то? — Никифор натянул поводья, зарваго голову лошацде... Выжиги? — зловеще переспросил он и неожиданно заотманил замателом кутиномощем. — А лу, слышь! Слышь! Кому говорю!

Она нехотко посмотрела на Сидорова, спросила равнодушно и чуть удивленно:

— И чего ты разошелся? Брыканьки, как глупый бычок, а того не сообразил, что мне в бригаду надо. Люди ждут...

— Ах, так! Бычок я тебе, да? — Сидоров вырвался с маху лошада, та от неожиданности присела и, вскрикнув, рванулась в галоп. Повернувшись к Ксюшке рассверившееся лицо, он тизнул ее в бок корочеючим кистям кулаком.

Не сдержавшись, она сестелась с телети, расластившись в ныли. Рядом мыло шленудла мохнатый узел с пирогом и шаньгами.

Она дождавшая Женьку в конце гоня, где борозды делают туже выдухурия и, гоно по плечу, вылетела в даль, сиюкую сумраком, накармила он теплым еще, чуть воям-тум сбому пирогом и шаньгами.

Куски рыбы он брал пирогу палдыми, темными, как земля, и старательно уминал за обе щеки. Вкусотелы белки и зубы.

— Ты спал?

— Угу. Дню. Вода в радиаторе закипела, а я уснул.

— Да ты не давись! Не на пожар... А хочешь?..

— Не знаю. Будто и не спал вовсе.

— Она сидела перед ним, незаметно потирая горнеше колесо, которое лопино от павения с телети, расластившая так, как наиверно, расластившая мать за ужином вернувшегося с работы отцу: спокойно и даже как бы равнодушно.

Из сумрака выплыл человек, поднял руку: — Мир честной колхозник! — Тяжело опустившись к Женьке, Закуриваясь, сказал: — Здарово кроше, Жариков. Я тебя на «реактивный» посажу.

— Посади только... по-необорому отоварилась Женька.

— Мир честной колхозник! — посажу. Не рад, скажешь? — Заслуживаешь — посажу. Не рад, скажешь?

— Дурной ты, Десяточка. — Женька все так же осоловело лежал на спине. — Я же за дружка работаю. У него неспешее... А ты — «реактивный»?

— А ты него хочешь?

— Ничего. Приедет, тогда что на ракету баллистическую — Лулу расластивать.

Ксюшка молчала. Женька поднялась, ссутулившись, пошел к трактору. Десяточка вмяла каблуком пилоросу в землю, покрутил головой:

— Чудак твой Жариков. Не спит и на «клячку» простоя... На стан-то пойдешь?

— Меня бригадир до утра отпустил. Утром и праду.

— Ну, бывай, коли так. Чудак вы, честное слово...

— Он ушел, перекинув сажень через плечо, а Ксюшка поехала в кабану.

В кабане было душно, пахло маслом. Женька вынул из кармана платок, вытер глаза, а время, как бы остановилось. Ксюшка хотела сказать Женке, что он правильно сделала, отказавшись от «реактивного», но трактор глушил голос, и в ответ на ее крик Женька только замолтал головой. Он все время цепко держался за рукоятку, словно боялся неожиданно проколлоть носом смотровое стекло. А голова его сама по себе тяжело клонилась вперед, и он часто вскидывал ее, моргая глазами. Наверно, прошло уже много часов, а тыма была все та же. Женька вынул платок, вытер глаза, когда начал новый гон, Женька незаметно свесила голову, не отпуская рукояток. Ксюшка напуталась: вдруг трактор содейт с борозды и поперет в сторону... кренко положила руки на Женькину кулаки. Ее рукамы сжала рукоятки.

— Ты гадла, ты гадла, подмигивая слезом. Немнитошными глазами со страхом смотрела на борозду. Женька шевельнулась, тизнохую отодвинула ее на свое место...

Когда наступил дымчатый рассвет, они сидели у гусениц теплого трактора. Женька нехотко досада холодный пирог, тизжедо дингал челюстями. На Ксюшку смотрел сонно, вяло и как-то виновато улыбаясь. Потом похвалил: — А ты молодец, Ксюшка. С тобой ярию как с парнем молодое дружить...

— Да... Ты спи, я пойду. Завтрак готовить надо...

— Посиди немного... — Он тизнулся лицом в ее грудь, онущая через кофточку ее упругое, сильное тело. Замер и сказал счастливо и сонно: — Хорошая ты. От тебе хлебом и землей пахнет.

Ксюшка сидела, не шелохнувшись. Слутила радио его волос, вздохнула с сожалением:

— Идти надо... Вставая, потрогала бок: будто камнем садануло костлявым кулаком Никифора. Сидя, наивно, сказала: — Встряхнула платок от крошек... Ты не проснись?

— Нет. Да и заприщави крош приедет... — Он привалился спиной к гусенице, откинул голову и тут же замер.

Она пошла по дымной от расцвета пашне, думая, что ничего невероятного в ее жизни не случается и что опять надо будет варить кашу, чистить противных карасей... Потом оглянувшись на уснувшего Женьку, вернулась и осторожно пошарила в напрудном кармане его легкого пальто, вынула из кармана газетку «Фотграфия», сузнула ее в вырез платья. Женька, в невольной, изломанной позе, с опущенными вдоль тела руками, откинутой головой, с открытым ртом, даже не пошевелился. Он, казалось, не дышал...

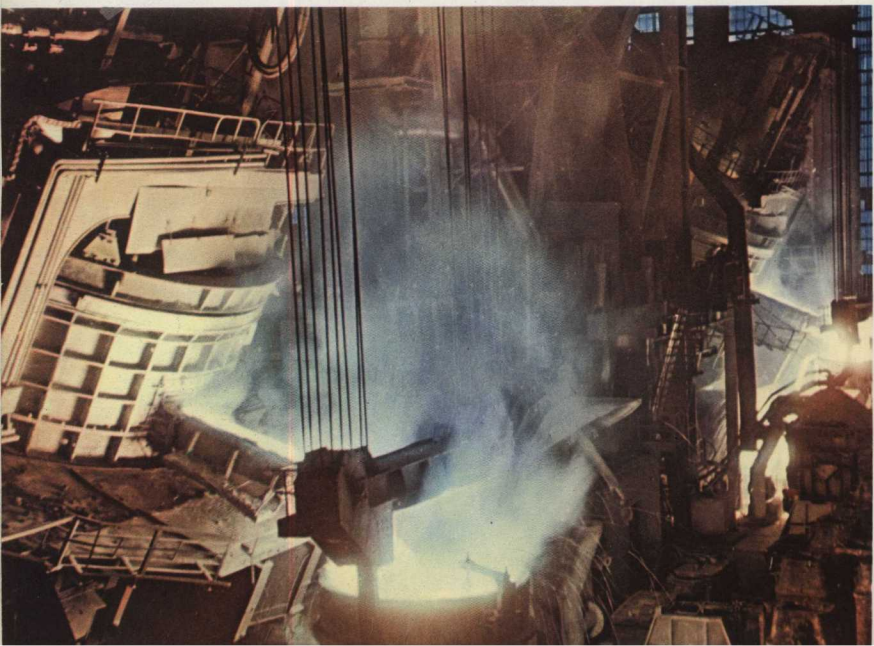
г. Челябинск.

По-разному проводят люди свой досуг. Одни идут на стадионы, другие — в театры и концертные залы, а у электрика специализированного монтажного управления № 21 Евгения Аратова и работница литейного цеха имени Идакова Валентина Мосисова — свое увлечение: они занимаются живописью в вечерних рисовальных классах при Московском художественном институте имени Сурикова.

На снимке: Евгений Аратов и Валентина Мосисова на отдыхе в одном из районов Подмосковья.

Фото В. Тюккеда.

ЗАМЕТНЫЕ? НЕТ, НЕЗАМЕНИМЫЕ!

Фото Г. Дубинского.

Зажигала сталь... Мужественные люди в грубых спецовках напряженно всматриваются в пышущую нестерпимым жаром огромную электропечь. Скоро наступит момент, когда плавка будет готова. И вот уже густой огненный ручей тяжело ударяет в дно ковша. Страна получила еще несколько десятков тонн высококачественного металла...

Посмотрев на эти фотографии, вы, наверное, подумали, что речь дальше пойдет о мастерах горячих цехов — сталеварах. В таком случае вы ошиблись...

Издавна считалось, что варить сталь — это сугубо мужское дело. В газетах и журналах привычным стало видеть фотографии рослых, широкоплечих парней — умелых мастеров скоростных плавок. Их снимают операторы кинохроники, поэты посвящают им стихи, художники пишут их портреты. Что ж, своим трудом они заслужили такое внимание. Но сегодня, рассказывая о молодежи Новолипецкого металлургического завода, мы решили отступить от установившейся традиции. На этих страницах мы хотим рассказать о девушках-металлургах, чьи дела на заводе, на первый взгляд, не так приметны, как нелегкий и горячий труд сталеваров, но так же важны и необходимы.

Огромное светлое здание электроплавильного цеха видно издали. Этот цех на Новолипецком заводе зовут «цехом будущего». Таких цехов нет нигде в Европе. По одну сторону печного пролета, напоминающего проспект, расположен просторный шихтовый двор с вместительными закромами, по другую — промышленная установка непрерывной разливки стали, положившая конец канаве и изложницам. Крутобокими громадами, окруженными со всех сторон мостиками и площадками, возвышаются под сводами цеха гигантские электропечи. На фоне серебристой поверхности одной из печей рельефно вырисовываются силуэты сталеваров, ведущих плаву. И рядом с ними особенно хрупкой кажется стройная девичья фигурка.

Это инженер исследовательской группы цеха Жена Ермолаева. В

прошлом году она окончила Сибирский металлургический институт. Девушке предлагали остаться работать в родном Сталинске, в проектно-учреждении, но она поехала в Липецк, на стройку электроплавильного цеха. Ее привлекала профессия металлурга, она хотела лично участвовать в освоении нового гиганта тяжелой индустрии.

Цех сейчас готовится к переходу на выплавку высококачественной трансформаторной стали. А для этого нужно добиться самого низкого содержания в металле посторонних примесей. Нелегкая задача! Ее и предстоит решать инженеру Жене Ермолаевой. Молодого специалиста редко увидишь за письменным столом. Она забегает в контору цеха лишь для того, чтобы записать наблюдения, сделанные в цеху. Большую часть дня Жена проводит на рабочей площадке близ печей.

Сталевар Иван Зубов подает команду: «Включить печь!» И в стеклянной будке, где находятся механизмы управления печью, пультащица Полина Ничипорова немедленно выполняет приказание. Медленно погружаются в глубь печи круглые столы электродов. Когда они почти касаются металлической шихты, цех оживает ярким светом электриче-

Пультащица Полина Ничипорова — первая пультащица сталевара.

ской дуги. В печи бушует огненный шквал, слышится грохот, не уступающий по силе пушечной канонаде. А Полина не отводит глаз от стрелок приборов, точно выполняет все указания бригадира. Ведь недаром в цехе говорят, что во время плавки пултовщица — первый человек после сталевара.

Неподалеку от печей, а небольших, заставленных приборами и колбами комнатках, расположена цеховая экспресс-лаборатория. Круглые сутки несут вахту сталевары, круглые сутки дежурят здесь девушки-лаборантки. Каждый час, а то и чаще подручные сталевара приносят в лабораторию пробы

А вот две подруги — Гая Цисловская и Гая Полянова. Они строят цех холодного проката, где будут работать потом металлургами.

«Плавка идет нормально», — говорит Женя Ермолаева, инженер исследовательской группы.

Рабочим прокатного цеха не нужно терять времени на обед: в столовой официантка Таня Иконорова приносит заказанные блюда прямо на рабочую площадку.

металла. «Скорее углерод», — говорит лаборантке Тане Фроловой подручный сталевар Владимир Степаненко, ставя на стол металлическую плешку, из которой поднимается легкий дымок. И Таня, не задерживаясь, дает точный анализ содержания в металле углерода. От ее умения, расторопности зависит, чтобы плавка, которая стоит десятки тысяч рублей, не попала в брак.

Инженер Женя Ермолаева, пултовщица Полина Ничипорова, лаборантка Таня Фролова принимают самое непосредственное участие в выпуске металла. Но о качестве стали, которая поступит затем под валки прокатных станов, пойдет на машиностроительные заводы, за-

ботятся и девчата из коксохимического цеха.

Здесь работает много девушек. Рады коксовых батарей, извилистые сплетения трубопроводов, перегонные и отстойные устройства, здания машинных и насосных станций, лаборатории — все это входит в сложную систему коксохимического производства. Тут приготавливают кокс, необходимый для доменных печей, и газ, который служит основой для получения двухсот наименований синтетических веществ.

На подвездных железнодорожных путях к коксохимическому цеху часто можно встретить девушку в рабочем комбинезоне, с ведром в руке. Ее зовут Светла-

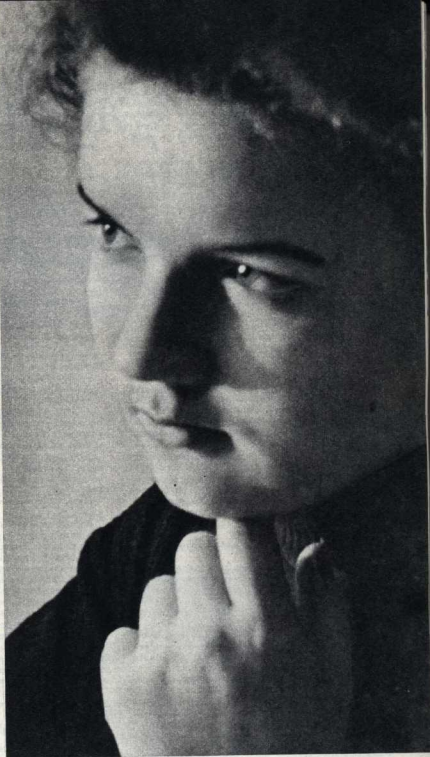
на Мехшен, она пробоотборщица. Светлана ловко взбирается на вагоны с углем, выбирает несколько кусочков, а потом дробит их, чтобы в лаборатории могли определить, что за уголь прибыл на завод. Дано как будто очень простое. Но ведь от качества угля зависит, какой кокс спелется в коксовых батареях, какой потом выплавится в печах металлургов и выходит, что труд Светланы в конечном итоге тоже очень важен для бесперебойной работы металлургов. И она это отлично понимает. Когда у девушки задается свободная минутка, она осторожно достает из кармана тетрадку и карандаш, и на чистую страницу ложатся беглые строки. Так родилось безыскусственное, но искреннее стихотворение, отрывок из которого запомнился нам:

И я спешу со всей страной,
С моей отчаянной трудовой
Туда, где плавится металл:
Кипит чугуна и льется сталь.

Светлане восемнадцать лет. Она бывшая воспитанница детского дома. Первыми читателями и критиками ее поэтических произведений были товарищи и учителя из детского дома. А совсем недавно стихи Светланы Мехшен напечатала липецкая молодежная газета «Ленинец».

Тяжелые составы с металлом, для производства которого немало поработали умелые девичьи руки, каждый день уходят из Липецка. Сотнями тысяч тонн замерзает сейчас продукция завода. А к концу семилетия на Базе руд Курской магнитной аномалии он будет выпускать чугуна в шесть раз, стали в сорок раз, проката в семнадцать раз, кокса в пять раз больше, чем теперь. Среди тех, кто претворяет в жизнь эти грандиозные планы, намеченные партией, стоит в сердце России новую металлургическую базу, тоже много девушек.

Две подружки, две Гали — Цисловская и Полякова — бетонщицы. Еще совсем недавно они, выпускницы швейного и торгового техникумов, работали на Урале: одна — в ателье, другая — в магазине. Объем закателось стать металлургами, и они приехали в Липецк. Девушки участвуют в строительстве цеха холодного проката.

Проботборщица Светлана Мехшен.

Качество стали во многом зависит от быстроты и умения девушек из экспресс-лаборатории, контролирующей химический состав металла.

Сейчас работы на стройке в самом разгаре. В мае должна быть пущена первая очередь. Инженеры-комсомольцы цеха взяли обязательство подготовить к этому дню по десять квалифицированных рабочих. И обе Гали в скором времени получат третью профессию — металлургическую — и начнут работать в цехе, который построили сами.

Пройдите по цехам и стройкам липецкой магнитки — и повсюду вы увидите нежные девичьи лица. Здесь трудятся сотни девушек-комсомолок. Все они, на каком бы участке им ни довелось работать, делают все, чтобы дать больше металла родной стране. И они очень обижаются, когда кое-кто из журналистов по привычке называет их профессии скромными, а работу незаметной. Правильнее назвать их труд не незаметным, а незамыленным.

Б. ЮРИН

ЖАДНОСТЬ

Рассказ

Валерий Кобылин — студент 4-го курса Архангельского педагогического института. До поступления в институт работал слесарником леса на реке Лица в Кировской области. Впечатления той поры и послужили основой для рассказа «Жадность». Это первый рассказ, с которым молодой автор выступает в печати.

Встречный ветерок сминает волну. По поверхности воды беспрерывно рождаются и умирают гребневидные брызги — брызгушки. Небо кажется тяжелым и очень низким. Серые, тягучие облака опускаются почти до самой реки и вот-вот разразятся осенними дождями.

Володька Огарков, опершись на багор, бесмысленно смотрит в воду. Со стороны может показаться, что он очень занят; на самом же деле работа у него, как говорится, «не бей лежачего»: знай подталкивай лес по коридору. Торопится нечего, благо вода бошшая; если топляк упал в плитку, шевельни его багром — вот и все...

— Огарков, заснул, что ли? — кричит кто-то на запяни.

Между десятка, вокруг двух перекрестившихся топляков, скопился лес, и в середине коридора основательно застряла желтокорая сосна-восьмимерка.

— Черт ешь! — бормочет Володька и, не топчась, двигается к затору.

Он долго не может взять топляк на крючок. Багор упорно бьется в воду. Наконец топляки выведены на глубокое место, и скопившийся лес неровной лентой тянется вниз.

— Давно бы так, — говорит Володька и приближается к всаженому в плитку багтру. Издали парень похож на часовой. Но Володька знает, что именно в такой позе изображают в стеногазете сплавщиков-лодырей. Поэтому, заведя начальника запяни, он принимает ходы лес взад-вперед, подталкивая багром проплывающие лесины.

Начальник присаживается на тумбу, закуряет начальник.

— Сомлеешь ты, брат, со скуки тут, — говорит начальник.

— Что я, не работаю, что ли? — искренне обижается Володька. На самом деле он бьется, и что же с ним? со спойногом мста.

— Ну, ладно, ладно, — успокаивает его начальник. — Ты в этот полумесец на каждую сверхурочную выходишь?

— На каждую, — настораживается Володька.

— Молодец! Значит, хорошо заработал, расцени в сентябрь высокие. Полюшка сегодня.

Володька довольно хмыкает и опять настораживается. Он чувствует: у начальника есть для него что-то не особо приятное. Володька считает, что дар предугадывает дурные вести передается ему от матери.

— Дело, брат, за тобой. Сколько думаешь ввнести в фонд пострадавших?

Володька молчит. Неделью назад на третьем участке случился пожар в общежитии рабочих. Люди были на смене, почти все их имущество сгорело.

П. Профком сам по себе, ну, и лично от каждого, — продолжает начальник.

— С миру по нитке — нищему рубашка, — Володька так плотно сжимает губы, что не поймаешь: не то улыбается, не то морщится.

— Ну, это ты брось! Нищих вспомнил... Ишь ты! Просто свой брат в беду попал, вот и все мудрости.

— А Васильев сколько вносит? — спрашивает Володька; он начинает сердиться.

— Васильев — полсотни.

— А Юрка Наливайко?

— Сорок.

— Ну, и с меня сорок. Хватит. Сказал — отрезал, — подгонживает Володька и с силой упирает багор в могучую сосну-шалуя. — Опять четыре червонца пустил на ветер! — негодует он про себя. — А откажись — и спрыгнешь с четвертого разряда на третий. Нет, я не дурак и немного разобрался в тонкой политике.

Начальник весело щурится, пыхает папироской.

Володька хочет подумать о нем что-нибудь обидное, злое. Вслуш не скажешь да еще прямо в глаза. «Отъелся на народном-то хлебе», — вспоминает Володька. Так обычно говорила мать о каком-нибудь представителе, приезжавшем в колхоз. Но худощавый начальник не похож на человека, который отъелся на народном хлебе, и Володька придумывает другое: «Тебе бы сюда с багром поработать, бюрократ несчастный!» Но сразу же убеждается, что и эта пылится не очень основательно. Всем известно, что начальник, прежде чем стать начальником, девять лет трудился на сплаве порода рабочими и бригадиром.

— Ты комсомолец, Огарков?

«Ох, начальник! Всегда чем-нибудь удивит. Куда занулил Хитрый, черт!»

— А кто?

— Как же, брат, мне не мешать знать.

— Не-е, — тянет Володька и добавляет: — Куда уж нам... — всем видом показывая, какого он невосकोмо мнения о себе.

Начальник уходит, а Володька — три шага вперед, три — назад — покалывает багром ползущие у ног бревна.

Скоро кончается смена, сегодня получка. Хорошй Володька начинает насвистывать. Но на самой высокой ноте спотыкается и широко зевает. Он не устал, и спать не хочется. Просто зевает по привычке.

II

Володька ширококостен, среднего роста, слегка сутулится. Свиснувшие в узких глазницах карие глаза смотрят настроенно и цепко. Редкие рыжеватые волосы и темноватые усики. Володька гордится цветом своих усов.

— Только у породистых людей такие бивают, — говорит он; и не поймаешь: то ли шутит Володька, то ли всерьез так думает.

Ему двадцать лет. Пришел на сплавыне работы из колхоза. Летом сюда много народу стекается. Саоих, кадровых, не хватает. А работники летом хорошие. Председатель не отпускал Володьку, но отец, кладовщик, утадил дело.

П. Рубль береги лучше всего, — напугивал отец.

А мать:

— С двемками, Христа ради, не важись!

С девкой сважешься с — пустым карманом останешься.

Всегда она так, с прибаутками.

Володькиных родителей в колхоза не любят, дом их стороной обходят. С войны прилежались к ним кличка «табачники»: самосадом в те годы выгодно приторговывали.

И Володька в общежитии живет отчужденно. Ребята пробовали втиснуть в компанию, но ему по душе одиночество. Всегда бьется, что у него что-нибудь попросит. Давать он не любит.

В столовую Володька ходит редко. Ежедневно получает он из деревенных обмывистых посылки с домашней едой. Володька складывает продукты в общарпанный чемодан, запирает на замок и задвигает чемодан под кровать.

Всего живут его соседи. А какой толк в этом веселье! Танцы, кино для Володьки гроша медного не стоят. Ну, а кино иной раз можно содрать, если прощипов, конечно.

«Это едва ли кто другой умеет так ловко орудовать топором. Тут Володька мастер! Табуретку сделать, топорчик изготовить — для него одно развлечение. Сергеев, бригадир, как-то повертел отполированное до блеска топориче перед глазами...»

— Руки-то, парень, у тебя золотые.

— Да душа-то с гильишкой, — добавил оказавшийся здесь сплавщик Васильев.

«С гильишкой!». Володька насково их видит: завидует, что у него в месяц не две получки, как у него, а три! Бригадир за багровую топорчицу особый народ выплесывает.

Работницы из семейных, случается, несут Володьке подремонтировать что-нибудь. Он не отказывается.

Другая получит от него «помолодевший» ухап, обрадуется:

— Ну, парень, не ухват — чисто жених. Спасибо тебе большое!

Тогда Володька ей тихо:

— За спасибо, хозяйсика, при коммунизме будем, а пока за деньги работаем.

«Ему крепко помнятся отцовские слова: «Даром только град с неба да из печи дух с хлеба».

На сберкнижке у Володьки уже солидная сумма. Вернется домой — перед родителями стыдно не будет.

Приходит он с работы — упадет на кровать, глаза закроет и подсчитывает, сколько было, сколько стало наличными и сколько будет, если прилпосует за ремонт лодки.

— Эх! Дербень-дербень, Калуга, — в полусне шепчет Володька, потягивается и сладко зевает.

Только иногда ledenаяя скука и беспособность наваливаются на него, и хочется тогда Володьке кричать.

Но это бывает редко.

III

Володька получает деньги последним. Старательно пересчитывает хрустящие бумажки и осторожно, будто хрупкую вещь, обмывает пухлую пачку в карман.

— Дела идут, контора пшет, — привычно произносит он при бабутку, верную спутницу хорошего настроения.

По дороге к объективу Володька встречается с Юрием Наливайко, длинным, смешным парнем.

— Вечер организму. С третьего участка гости придут, а до вечера там — во! Придешь? По тридцать соберем.

— Отец кришу перекрывает, шифруа взял на триста рублей, так мне заваливал... — начинает Володька, но Юрия, не дослушав, уходит прочь. «Закнутил вино», — предполагает Володька. — Не по мне это...

Как-то мать при гостях похвалила Володьку: — Парень у меня молодец, в дела Матвея: не курит, не пьет, за девками не бегает.

В выходные Володька надевает костюм в обшито. Володька надевает костюм — она выходит, бродит по коридору, прислушиваясь к шуму в комнате отдыха, потом ложится на кровать.

В праздничные дни Володьке беспокойно. Внезапно у него возникает занозное чувство: неудобно себя, хочется сделать что-нибудь не так, как делают он обычно. Но Володька прочно держит верх над минутными слабостями.

Потому он встает, плечами прикрывает дверь и, сняв ботинки, снова ложится.

В коридоре шум шагов и оживленные голоса. «С третьего участка гости», — констатирует Володька.

— Прощу вас, Галина Степановна! — слышит он сверхаглый голос Наливайко, а затем веселый, колокольчатый, смех девушки.

— Какая-то еще Галина Степановна! — с раздражением бубнит Володька. — А Наливайко рад стараться, калачна кодячая, — и отворачивается к стене...

Просыпается он оттого, что голова его, помимо Володькиного желания, совершает движения влево-право, как маятник. Перед ним сияющая Васильева и трясет Володьку голову за подбородок.

— Вырубай, тезка. Гибнем. С третьего один тут наших ребята в краску вгоняет: на перележку вызвал. На наших смотреть жалко. Сделаю ты его, тезка!

— Как работаете, так и пляшете, — зевает Володька. За зевком прачется довольная ухмылка. Как-то он блеснул умением отбивать четку и пройтись колесом, и сейчас ребята вспомнили о Володьке.

В комнату сбегает Наливайко и еще несколько человек.

— Вовочка, ба-ры-но! — шепчет Наливайко, полукривя глаза, на лице его блаженство на грани с отчаянием.

Володька тяжело вздыхает, молчит. Его тормошат, натеревая уговаривают, а он опять тяжело вздыхает:

— Эй! Дербень-дербень, Калуга... Ладно. Попробуем.

— Давеш барыню! — кричит Васильев.

Володька обшиваят глазами много ребят и устанавливается на зеркально-светлых хромовых сапогах Наливайко.

— Снимай! — И деловито поясняет: — Три раза топнешь — без полуботинки останешься, а токим сапогам ничего не делается... Да и спорднеев в сапогах-то.

Через пять минут Володька уже притопывает, лобовно оглядывая хромовые сапожки.

— Скорей! — торопит Васильев.

Володьку выносят почти на руках.

В комнате отдыха сдвинутые столы уставлены асфичной. Веселые знакомые и незнакомые лица. «И начальник тут», — удивляется Володька.

Низко и как-то предостерегающе — хвалит Баю. Володька круто поворачивается, раскидывает руки и с кабульним прищелком идет навстречу смуглолицему парню в светло-зеленой косоворотке.

В трех шагах от противника замирает, задумавшись, и вдруг — как из пулемета — падонкам по груди, по коленкам, по сапогам. Баю по-девичьи азвизывает на самых высоких голосах и ускоряет темп. А Володька — частой дробью и все по одной половине. Потом — будто обожгло ноги — резко срывается с половицы и идет по кругу. Баю чуть не захлебывается в басах и — быстрый, быстрой. А Володька вприсядку...

— Вова, бог ты мой! — стонет Наливайко и смешно дыгает длинной, в Володькином полуботинке, ногой.

А сбoku веселый девичий смехок, с колокольчатостью. «Гяля... Галина Степановна», — догадывается Володька и уже до конца плясочных устает на себе ее взгляд.

Баю неосиданно смолкает. Володька напоследок выключивает одной ногой что-то замисловато. Товарищи по объективу бросаются к нему:

— Ура! Наша зава! Молодец, Володька! Его усаживают за стол рядом с Галей. «Красивая», — отмечает Володька и хорошим, радостным взглядом ободит присутствующих.

С другого конца стола ему по-свойски подмигивает Васильева.

— Вы почему в клубе не выступали? — спрашивает Гая. У нее открытое, слегка загорелое лицо и большие глаза.

— Наша, деревенская», — почему-то решает Володька. Рязор завязывается непринужденно. Пить не хочется, и он непритомно выливает вино из своего стакана в большую кружку; то же делает Гая. У обоих на лицах лукавое, совсем детское выражение: обманули-де взрослые!... Но через четыре стула от Володьки — на начальник запани и все видит. Он по прыжке стреляет из уолга гуд пепириском дымаком и улыбается.

— Танцуете танго? — спрашивает Гая.

— Совсем лопно. Звешев, пошли в кино, еще не поздно.

Он уже на «ты». И прежде чем Гая успевает ответить, Володька быстро по себе позторает: поидет, поидет, поидет.

— Поидем, — отвечает она.

Они выходят из-за стола орк у руку. Уже на улице Володька слышит через распахнутое окно голос Васильева:

— Ну и жиня! И плясать-то в чужих сапогах...

И в первый раз горько слышать Володьке темп.

Комната отдыха опустела. Только небольшая группа ребят сгрудилась вокруг Наливайки.

— ...Вот ты о сапогах. Ладно. А видишь, какое у него было лицо, когда вы ему: «Молодец, Володька!»? — Начальник глубоко затягивается папириской, уполкает.

— И вот что я думаю. Через неделю сколачиваем бригаду для ремонта и подготовки инвентаря к весеннему сезону. Бригадиром думаю Огаркова...

— Н-ну! — удивляется Васильев. — Это уже чересур: Огаркова бригадиром!

— Не пугайся, — останавливает его начальник, — ты при нем вроде комиссара будешь. В ремонтных и строительных работах среди вас равного ему нет, ну а ваша задача — настоящего человека выносить из него.

— Чтобы все тоньше — долгой, ну, и я с вами буду. Володька ведь тонко оефь надо.

— Васильи Григорьевич, да он с первыми замислами в деревню сбегит.

Начальник покачал головой.

— Никуда он сейчас не сбегит. И думаю, больно он нужен колхозу вот такой, с темнишкой? Нет, весной мы его колхозу отдадим другим человеком...

IV

Володька тихо-тихо, на цыпочках, входит в комнату. Настоящая лампа

прикрыта красной майкой, и поэтому на стене около зарево.

«Спят», — отмечает по себе Володька.

— Спят ребята, — уже вслух позторает он, с минуту прислушиваясь к нему-то. Потом снимает сапоги и, смешно приседаая, исчезает за дверью. Возвращается и ставит тщательно вымытые сапоги ровно, носок с носком, к кровати Наливайко.

— Вот так они, дела-то, — шепчет Володька и улыбается. Он думает о Гале.

После кино Володька прожил Гале дождю, на третий участок; два километра с половиной, а Володьке тогда показало: минут десять или, не больше.

«Считай, часа два», — сейчас уже трезво судит Володька. — А Гая хорошая, добрая. Говорит, после пожара новую кофточку отдала какой-то девочке. Сама с старой ходит...

На столе лежит извещение на пенсию. Володька прчет бумажку в карман, губки свет и ложится.

«Гая — из погорельцев, ты ей сорок рублей подарил в конторе за красивые глаза... За билет в кино — три рубля, двести граммов конфет за двенадцать двадцать кино...» — вдруг кто-то оефь знакомый начинает нацешивать Володьке и подсчитывать, подсчитывать...

«Стой! Хахтит!» — Володька даже приподнимается с кровати и вызывающе смотрит в темноту.

— А что, если завтра выложит пенсию на стол — всем! Берите, ребята! Он соскакивает с постели, вынимает из кармана извещение на пенсию, бросает на стол. Мат в таких случаях говорило: утро вечера мудреное. Но Володька знает, как ему следует поступить завтра.

Он долго лежит с открытыми глазами, думает о ребятах, о Гале. Но иногда какой-то внутренний глос вдруг шепчет ему что-то привычное, знакомое...

И Володьке хочется кричать.

Рисунок А. Паукова.

СИДБА ТВОЯ В

Стало Борису Фролову появляться в детской колонии, как за ним сразу же установилась слава ответного парня. Учиться он не хотел. От работы отлынивал. С воспитателями был груб, а в ссорас со сверстниками часто пускал в ход кулаки.

Обо всем этом говорили ребята на собраниях, когда обсуждали вопрос, кому из воспитанников идти на практику — к шефам с авторемонтного завода, Борис сидел в дальнем углу и слушал с безразличным видом. Бледное скуластое лицо его было спокойное, словно речь шла о ком-то другом. «Подумайшь, завод! — думал он. — Что я не видел на этом заводе? Пребывание в колонии Фролов рассматривал как вынужденную посадку и ждал удобного времени, когда можно будет снова прислать письма.

После долгого спора собрание разрешило Фролову пойти на завод: с парня взяли слово, что он не оставит ребят кричать перед шефами. Фролов, не задумываясь, пообещал товарищам не выкидывать никаких номеров. Но он и раньше давал подобные клятвы, а затем с легкостью нарушал их...

Огромные, светлые чехи завода поразили Фролова. Нет, это совсем не походило на их крохотные колонистские мастерские. Борис с любопытством κοιтался на сложные машины и станки и всякий раз шаркался в сторону, когда слышал звонки мостового крана.

Инженер, сопровождавший воспитанников, поделил ребят в одиноку из токарных станков. За ним работал пожилой человек с удивительно белыми бровями и усам, похожими на ключа ваты.

— Это наш кадровый рабочий, Яков Петрович Новиков, — сказал инженер, — давай Яков, Фролов протиснись поближе и стал следить за руками токаря. Кто-то из воспитанников спросил, нельзя ли поработать на станке. Пряча в усах улыбку, Яков Петрович выбрал необработанную деталь. К удивлению присутствующих, токарь протянул ее Фролову.

— А ну, попробуй!.

Смущенный Фролов отступил назад и покачал головой.

— Каши мало ел! — насмешливо крикнул кто-то из ребят.

— Не беда, научится... если, конечно, думает человеком стать.

Скази это кто-нибудь другой, Фролов не обратил бы внимания. Сколько раз говорили ему такие слова! Но сейчас они почему-то резали ему по сердцу. «Стать человеком! — подумал он. — А разве я не человек? В его понимании стóящим человеком был тот, кто ничего не делал, жил «на широкую ногу», превращая «трудягу». Неужели он ошибался? Эти мысли не выходили теперь у него из головы.

— Отец Фролов умер, когда мальчику было двенадцать лет. Они остались вдвоем с матерью. Через два года в доме появился новый хозяин. Отчим установил свои порядки, а Борис и слушать не хотел о том, чтобы подчиняться ему. Он стал подлогу задерживаться на улице... Все началось как будто с пустяков — с набегов на сады и огороды. А потом походы на чердаки, где вымывались для просушки белье. Краденое продавалось на толкучке. Так и пошел! Легкая добыча аксружила голову...

Стать человеком... Что он должен для этого сделать? Как ему вести себя теперь? И как показать всем ребятам и самому Якову Петровичу, что он не хуже любого другого?

Случай для этого представлялся хороший. На практику Фролова определили к Новико-

ву. Но Яков Петрович, как назло, поручал парню самую несложную работу.

— Не доверяет, — усмехался Борис. Наконец, не выдержав, сказал:

— Хочу работать на станке.

Якова Петровича эта просьба не удивила. — Давай, алаяк! — просто сказал он.

Через полчаса Борис окончил обточку, сделал подрез и передал гладкую, еще теплую деталь своему учителю. Осмотрев ее со всех сторон, Яков Петрович улыбнулся:

— Молодец!

Удачно выполненная работа возбудила парничка. Он начал старательно выполнять каждое поручение своего учителя.

Прошло несколько дней. Фролов начал саботажно работать на станке, выгачивать сложные детали. Но однажды случилась беда: Борис сломал дорогостоящее сверло. Поспешно сунув обломки в карман, он стал лихорадочно обдумывать: как быть? Надо было во что бы то ни стало достать сверло до прихода Якова Петровича. Но легко сказать — достать... Прокиная себя за оплошность, Фролов пошел вдоль пролета. У одного из станков он остановился. Никого поблизости работы не было. Борис вывернул сверло и быстро заставил его вращаться. И тут, словно из-под земли, перед ним вырос парень с усачками.

— Ну-ка, дай сюда! — Парень прищурил глаза. — Воровать пришел на завод? Ты зачем сверло взял?!

На них собралось рабочее. Подошел Яков Петрович.

— Ты что же это, Фролов? — спросил он, и глаза его поволодели.

— Пустили козлов в огороде! — кричал парень с усачками. — Того и гладил, растащит весь завод по винтику... Судить надо!

— Замолчи ты! — сухо обрезал Яков Петрович.

На следующий день в красном уголке собрались и рабочие и воспитанники. Первым взял слово председатель совета колонистов Виктор Лазарев. Пересылая свою речь гневными словами, он назвал Фролова злым и жестоким нарушителем дисциплины, своим поведением отрицательно влияющим на остальных ребят.

Сколько же можно обманывать коллектив! Из-за него теперь всех нас лишат практики. Хахтит с ним нынчаться!.

— Я так считаю, — сказал парень, задержавшая Фролова, — после такого случая нельзя работать пуси в цех: толку мало. Что нам, ребята или за завод? И Фролов пусть честным трудом искупит свою вину.

— А я не согласен с этим, — заявил молодой бригадир Голубев. — Ребята хорошие, работают с огоньком. Соревнуемся с нами. Зачем же гнать их с завода? И Фролов пусть честным трудом искупит свою вину.

Потом слово взял Яков Петрович.

— Оступился парень, — сказал он. — Заплатил товарищам, да и нас всех... Это так. Но я думаю, сделав он это по своей глупости. Вот я решаю в поручиться за него. Пусть со мной побудет еще...

Большинство рабочих поддержало Новикова. С трудом подняв голову, Фролов взглянул на Якова Петровича благодарными глазами...

Старый токарь стал часто, при каждом удобном случае, рассказывать Борису о родном заводе, товарищах, о заводских традициях.

— Всю жизнь на одном заводе... всю жизнь! Я ведь этот завод еще имени покойной Крохоты! А теперь? Махнул... а что я видел в жизни, когда пацаном был, вrade тебя? Ничего. Трудно было жить, Борис. Но по легкому пути не пошел...

Яков Петрович помолчал, внимательно посмотрел на парничка и сказал: — Знаешь что, ты зашел бы в воскресенье к нам домой. Старуха хочет с тобой познакомиться. С твоим начальником я договорюсь...

Фролов не поверил своим ушам.

— Спасибо, Яков Петрович, — смущенно ответил он.

Одноэтажный домик, в котором жили Новиковы, стоял на окраине города, на берегу маленькой речушки. Здесь все напоминало деревню: было тихо, пахло черемухой. По-летнему ярко светило солнце. От всего этого, а главное, от того, что Фролов впервые за много месяцев оказался в домашней обстановке, в кругу добрых людей, на душе у парня стало радостно.

День пролетел незаметно. А вечером, когда под черемухой пили чай, жена Якова Петровича между прочим спросила Бориса, часто ли он пишет письма матери. Фролов смутился: он не написал матери ни одного письма. О плохом не хотелось, а хорошего в его жизни пока что не было.

Но в тот вечер, вернувшись в колонию, Борис написал дедовой парочку теплое письмо и сразу же почувствовал облегчение.

На другой день у Бориса произошел крутой разговор с дружкой Василью Жуковым.

СОЛДАТ ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

Фото Н. Рясина.

ТВОИ РУКА!

К. ДОРОФЕЕВ

— Здорово они тебя купили! — усмехнулась Васька. Выглядеешь, как солдат.

— Ладно, — спокойно сказала Фролова. — Мне, между прочим, на лекцию надо. Пона.

— Слышь, Борис, плынь на лекцию! Пойдем, в картинки переменяем...

Фролова повернулась.

— Ты меня в это дело больше не тяни. Ставлю точку. Пона!

— Выслушивайтесь!

— Нет, работать хочу. Ясно! — сказал Фролов и вдруг, сорвавшись, крикнул: — И не лезь ты ко мне!

— Ладно, черт с тобой! Покалещешь еще! Как-то раз после обеда к Фролову подошел Лазарев и попросил его взглянуть на минутку в воспитательскую. «Что есть», — многозначительно подмигнул он.

— Опять, видно, уложить будут! — подумал Фролов, но на этот раз ошибся. Речь шла о высоких обязательствах, которые решила взять на себя вся группа токарей-колесников. Лазарев предложил создать свою бригаду, которая жила и работала бы по законам бригад коммунистического труда.

— Пусть наша бригада не будет во всем такой, как на заводе, — пояснил он, — но мы должны стать отличниками труда. Я предлагаю такие пункты: выполнять норму не ниже чем на

110 процентов, выпускать продукцию высшего качества, если хорошо учиться, бороться со сквернословием, звангистам...

Обязательства были приняты. Когда же поделили первые итоги соревнования, оказалось, что ранее оставшееся пятое отделение вырвалось вперед. Особенно были отмечены успехи воспитанника Фролова, выполнявшего план на 170 процентов.

...Производительная практика воспитанников подошла к концу. И странное дело, Фролову не хотелось покидать завод. Он знал, что будет тосковать по Якову Петровичу. Впрочем, сам Нозиков и не думал расставаться с подростком.

— Скажи, — спросил он Бориса, — нравится тебе на нашем заводе?

Фролов молча кинул головой.

— Пошел бы к нам работать!

Борис удивленно взглянул на своего шефа.

— Шутит, что ли?

— Зряшний разговор, — выдал он после нескольких секунд напряженного молчания. — Я же в колони.

— Не век же тебе быть в колонии! Многих раньше срока отпускают. Все зависит от тебя самого.

Фролов сказал, что досрочное освобождение не так-то легко заработать. Для этого надо хорошо учиться, работать, быть дисципли-

нированным. Вот и выходит, что для него это пока что несбыточная мечта.

— А почему несбыточная? — пожал плечами Яков Петрович. — Что тебе мешает? Ведь начал же ты работать! И неплохой! В общем, по рукам!

— По рукам! — улыбнулся Фролов.

Быстро пролетело лето, настала осень. Большая группа воспитанников покидала колонию, Фролова стоял рядом с Жуковым и молча следил за полетом первых снежинок. На Борисе были новые сапоги, пальто и шапка-ушанка. У ног стоял сделанный своими руками чемоданчик.

— Значит, на завод! — нарушил молчание Жукос.

— На завод. А можешь, и ты, Васька.

Занглар душой оркестр. Затуманенным взглядом Фролова скользя по лицам воспитателей, учителей и понал, что самой счастливой минутой в своей жизни он обязан этим людям, пробудившим в нем сину и волю...

Фролов стал работать в токарном цехе вместе с Яковым Петровичем, заменившим ему отца.

А вскоре токаря Новикова провозжали на пенсию. Передавая своего ученику станок, он сказал:

— Помни, Борис, тебе ты стан старшим рабочим! А это — очень высокие знания...

Евгений Самсонов нарочно не послал домой телеграмму: хотелось, чтобы его приезд был для матери сюрпризом. Поэтому он на основном вокзале его никто не встретил. На Комсомольской площади друзья-однополчане вынули на прощание по сигарете, пожали друг другу руки в шею и разошлись в разные стороны.

И пошел солдат домой, в Сокольников. Он шел по шумным московским улицам, узнавая и не узнавая родные места. Вот здесь еще совсем недавно стоял деревянный заводный домик, теперь на этом месте возвышается семизатейный красавец-дом. И всюду, куда ни взглянешь, задрала в небо свои яловые башенные краны. Их и раньше было немало, а сейчас просто не счесть. Казалось, солнце взбиралось не только на фермах этих кранов. Да, здорово все изменилось!

Мама, конечно, исплакивала. Вскоре собрались друзья, весело отпраздновали возвращение.

Утром Евгений по обыкновению проснулся рано, ухмылся до пояса свежавывалившим снегом и сказал матери:

— Надо думать о работе.

— Отдохни бы немного, сыночек!

— Ноногда, мама. Руки истосковались.

— Опять, как макамуку, он шел по улицам города, улыбаясь девушкам, смотрел по сторонам, а увидев стелды с объявлением

ми о приеме на работу, останавливались и вычитывали бланкет. Ему пришлось исписать полдюжину: везде были нужны рабочие руки, всюду предлагались неплохие условия, всюду хорошие перспективы.

Но Евгения гораздо больше радовало другое. Когда прохожие видели, как он останавливался у стенов, многие подходили и немудро и говорили:

— Нам, парень, к нам. У нас интересная работа, дружный коллектив...

— Скажешь же у тебя друзей, солдат? — радостно думал Евгений. — Пять, десять, пятьдесят или вся Москва, весь Союз!

— Нашего полку прибавил! — улыбнулся, сказала Нина Журавлева, комсорг Московского комбината, когда Евгений положил перед ней на стол свою комсомольскую учетную карточку.

А вскоре собрался комсомольский актив комбината, который обсудил вопрос: как помочь Самсонову?

— Ему общепитие нуикно? — спросил кто-то.

— Нет, он с матерью живет.

— Веру над ним шестфо, — сказала Валя Кузьмина, инструктор производственного обучения. — Я с ним уже говорила.

— Тогда помоги ему заодно в наш техникум поступить! — сказала Геннадий Весафамильный, студент четвертого курса вечернего комбинатного техникума при комбинате.

— А по-моему, ему нужно нечто другое. Конечно, можно не сомневаться, что Самсонов будет работать хорошо, ведь никто из демобилизованных плохо не работает, только ему... — Ира Шаминина, член комитета ВЛКСМ, перевела дух и договорилась: Только ему в художественный техникум или институт поступать надо. Я видела, как он помогал цеховую газету оформлять...

Евгений Самсонов оправдал надежды товарищей. Он стал одним из лучших наглядчиков в цеховом цехе комбината, регулярно выполнял смелые задания, Полторы тысячи рублей составляет в среднем его ежемесячный заработок.

Оказалась права и Ира Шаминина, когда говорила о его призвании быть художником. Недавно Евгений поступил на курсы по подготовке в архитектурный институт.

Вот, пожалуй, и вся история о том, как солдат вернулся домой, как нашел себе работу по душе, приобрел новых надежных друзей.

Скоро 1200 тысяч воинов, демобилизуемых из Советской Армии по новому Закону о сокращении вооруженных сил, войдут в армию строителей коммунизма. И мы уверены, что жизнь их будет такой же полнокровной и наполненной радостью творчества, как и у Евгения Самсонова.

Л. ВИЗЕН

Владимир Куликов объясняет сварщикам устройство своего дистанционного регулятора.

ЛЮДИ ПЫЛЛИВОЙ МЫСЛИ

«ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА» ВЛАДИМИРА КУЛИКОВА

«ДРК-5» — так сокращенно называется дистанционный регулятор Куликова (пятый вариант). Сведений об этом новшестве нет еще пока ни в одном техническом справочнике. Автором его является тульский судоремонтник Владимир Куликов. Что же представляет собой изобретение молодого новатора? В чем его ценность?

Известно, что существующие ныне сварочные аппараты нуждаются в частой регулировке. А это представляет большое неудобство, так как сварщик обычно располагается на значительном расстоянии от аппарата и вынужден каждый раз отрываться от работы, чтобы увеличить или уменьшить силу тока в зависимости от электроды, диаметра детали и положения шва. Особенно много времени тратится на это в судоремонтной промышленности. Достаточно сказать, что на регулировку аппарата здесь в общей сложности уходит до половины рабочего времени.

А нельзя ли сделать так, чтобы сварщик на расстоянии, со своего рабочего места, мог менять силу тока?

Над этим вопросом серьезно задумался молодой изобретатель. Много пришлось попутаться Владимиру, прежде чем ему удалось осуществить свой замысел. Его настойчивость и трудолюбие принесли прекрасные плоды, предложенное им устройство уже внедрено в производство. Теперь, чтобы получить нужный ток, сварщик достает из кармана небольшую трубку, присоединенную к сварочному кабелю, и прикасается электродержателем к одному из двух контактов, расположенных на ее поверхности. Сварочный аппарат, на котором смонтирован дистанционный регулятор Куликова, автоматически переключается, как бы далеко он ни находился от рабочего места.

«Волшебная палочка» Владимира Куликова получила высокую оценку в Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. Благодаря этому техническому новшеству на тульском заводе производительность труда на сварочных работах повысилась в два раза. Недалек тот день, когда «ДРК-5» станет достоянием сварщиков всей страны.

И. ЗАЙЦЕВ

Фото И. Григорова.

г. Тулucose.

Вероника ТУШНОВА

ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Я хотела по росе,
чтоб измоили ноги.
Ты сказал:
— Пойдем, как все,
по большой дороге.
Я сказала:
— Круче путь —
знают, дали шире...
Ты ответил:
— Ну и пусть,
мы же все решили.
— У меня одна душа! —
я сказала плача,
повернулась и ушла:
не могла иначе.
Оказались не просты
спуски и подъемы,
разводить пришлось костры,
залезать в солому,
аброд идти через ручьи,
окипеть от ветра,
злые шорохи ночей
слушать до рассвета...
Все равно благодаря
своей характерной вздорной
за чистейшую зарю
на вершине горной,
за цветов умытых дождем,
за простор огромный...

Где-то ты сейчас идешь
по дороге ровной!

СТИХИ О БЕСХВОСТНОМ КОТЕНКЕ

Бедняга был некрасив и худ,
сумбуриной пестрой раскрасис.
Но в нашем семействе обрел уют,
избыток тепла и ласки.
И тогда перешла уже во второй,
дошла до трехзначных чисел
и вполне сознавала, что Васяна мой
целиком от меня зависела.
Уах! Он казался мне так ижепел,
то-зачем куд и прыток...
Мне только что минуло восемь лет,
я любила котят с открыток.
Я додумалась: кто-нибудь подберет,
другой хозяин найдется...
И в траву посладня у чьих-то ворот
ласкового уродца.
Он воспринял предательство как игру:
проводил доверчивым взглядом
и помчался восторженно по двору,
забавно брыкая задом...
Повторю, он был некрасив и тощ,
его я жалела мало.
Но к ночи начал накрывать дождь,

в небе зягрянуло...
Я не хотела ни спать, ни есть:
мерещились мне котенок,
голодный, промокший, продрогший весь,
среди дождливых потемок.
Никто из домашних не мог понять
причины горя такого.
Меня утешал отец и мать:
— Отщедь... Возьмем другого...

Другой был с большим пушистым хвостом —
образец красоты и силы.
Он был хорошими, добрым котом...
Как я его не любила!

СНЕГ ИДЕТ

За водой мерцает серебристо
поле в редком и сухом снегу.
Спит, чернея, маленькая пристань,
ни живой души на берегу.
Пересивившаяся с ветром шалым,
гнется, гнется мерзлая куга...
Белым занимается пожаром
первая осенняя гурга.
Засыпает снег лука и нивы,
мелкий, как толченая слюда.
По каналу движется лениво
плотная, тяжелая вода...
Снег летит спокойной, гуще, чаще,
он летит уже из крупных сит,
он уже шумит — настоящий,
он уже не падает — висит...
Вдоль столбов высоковольтной сети
я нду, одета в белый мех,
самая любимая на свете,
самая счастливая на свете,
самая красивая из всех!

Румяный дымок зависел над трубой,
а я в час не успела приехать.
И вот расставаясь надогом с тобой,
и в будущем нам
не обещаю встреч.
Давно собираться пора
на вокзал.
Все вестников
краски осеннего дня...
Спасибо, что ты ничего не сказал,
ни словом одним
не утешил меня.
Возьми меня за руку, честный мой друг,
и голову мне на плеч положи.
Любовь не боится
огромных разлук.
Любовь умирает
от маленькой лжи.

Доброго пути, Галя!

После десятилетия Галина Кудряшова по совету отца, рабочего-путейца, поступила учиться в техническое училище. Окончив его, Галя стала работать в кондукторском резерве станции Болотов Октябрьской железной дороги. Вскоре ее назначили бригадиром кондукторов. О том, что Галя и ее подруги замечательно работают, можно судить хотя бы по тому, что им первым в городе было присвоено звание коллектива коммунистического труда.

Жизнь Галины, полноценная жизнь у этих девушек. Галя Кудряшова, Нину Попову, Золу Куликову, Гаю Андрееву, Лиду Сивачку и Нелю Крайневичеву часто можно встретить на строительной железнодорожной площадке, много дома для кондукторов, на городских воскресниках, а кружке художественной самодеятельности.

Трудящиеся города Болотове оказали Га-

лине Кудряшовой большое доверие, избрали ее депутатом Калининского областного Совета депутатов трудящихся. Большую общественную работу Галяна совмещает с студенческой заочницей 1-го курса Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта.

А недавно в жизни Галины Кудряшовой произошло сразу два радостных события: ее наградили медалью «За трудовую доблесть» и приняли кандидатом в члены КПСС...
— Остаются минуты до отхода поезда. Бригадир кондукторской бригады Галина Кудряшова поднимается в тамбур.

Доброго пути тебе, Галя!

Ю. ШАЛАМОВ

Фото автор.

Болотове,
Калининской области.

Хорошо морозным утром пройти по живописному рязанскому лесу... Продавщица Женя
Родина все свободное время отдает любимому спорту.
Фото Г. Зельма

Перед торжественным парадом.
Фото Ю. Теуша.

МАЛАЯ УРАЛЬСКАЯ

Много тысяч километров отделяет Сиво Вали от Миасской долины. Но и здесь, на Южном Урале, в февральские дни ярко пыла «олимпийский» огонь. По призыву известных советских гонокщиков Павла и Алевтины Количных уральцы одним из первых в стране вышли на «олимпийские» старты. В ознаменование большого спортивного года в Миасской долине состоялся красочный зимний праздник, в котором приняли участие сотни спортсменов. Миасса и многочисленные гости из Челябинска, Свердловска, Перми, Ургены.

В канун праздника город был расписан яркими афишами и плакатами с изображением горящего «олимпийского» факела. Они звали на праздник лыжников, хоккеистов, любителей горнолыжного спорта, конькобежцев, обещая победителям оригинальные призы:

«Солнечный камень», «Миасскит», «Изумит», «Амазонит». Да, да, не традиционные кубки или вымпелы, а спиральные призы, сделанные из знаменитых уральских самоцветов, предназначавшиеся в награду лучшим. Они готовились в «минералогическом рудо» — Ильинском государственном заводчике имени В. И. Ленина. С большой любовью трудились над ними лучший гравер Василий Антонович Дмитриев, известный уральский умелец, подбиривший и шлифовавший самоцветные камни для музеев многих стран. Он не только шлифовал, но и украдал на изящных подставках лучистый солнечный камень, голубой, словно застывшая морская вода, аметист, черный с золотом амфиболит.

И вот в Миасской долине настал день «Белой олимпиады». Стадион Уральского автозавода оделся в

красочный «олимпийский» наряд. Нарисованные на флагах пять колец валовинами всем о спортивной дружбе пяти континентов. Праздник начался с парада. Торжественным маршем прошли мимо сотен зрителей спортсмены. Тут были хоккеисты, конькобежцы и лыжники — рабочие и работники автомобильного завода и других предприятий города. Вслед за ними шли гости — юные мастера фигурного катания, приехавшие на праздник из Челябинска. В последний момент к колонне участников спортивного праздника присоединились туристы.

После торжественного парада раздалась команда:

— Поднять флаг!

И вот белый «олимпийский» флаг с пятью переплетенными кольцами уже полыхает на ветру. Вслед за первой командой пошла вторая:

Один из старейших спортсменов Миасса, Михаил Красавин, зажигает «олимпийский» огонь.

«Олимпийская деревня» в Миасской долине. В отличие от Большой олимпийской деревни в Сиво Вали вход в нее был открыт для всех.

— Зажечь «олимпийский» огонь! Этой чести удостоился один из старейших спортсменов города, воспитатель многих молодых легионеров и лыжников, конструктор автозавода Михаил Красавин. Он пронес по стадиону горящий факел, и через несколько минут у шедстава почта вспыхнула «олимпийский» огонь.

Соревнования начались со стартов «Эстафеты поколений». Самых юных лыжников сменяли опытные гонокщики. На большой ледовой дорожке состязались конькобежцы. Все новые и новые спортсмены появлялись на старте: молодые автозаводцы, строители, учащиеся техникумов, школ и воспитанники трудовых резервов.

Аружными аподисементами были встречены первые победители — лыжники автомобильного завода. Среди них один из лучших лыжников Челябинской области Ким Вшивиков. Это он ориентировал первый на Южном Урале «Клуб лыжников», где воспитываются десятки молодых спортсменов. Среди девушек быстрее всех преодолела дистанцию его ученица — молодой токарь Вера Гудовская.

«Олимпийский чемпионки» оказалась еще одна представительница

Туристы нальменской турбазы спешат на «олимпийский» праздник.

на автомобильного завода, молодой конструктор Галина Обжирова. Обе дистанции на ледяной дорожке она прошла лучше всех. А у мужчин чемпионом стал студент автомеханического техникума Сергей Ядрышников. Все они получили «олимпийские» призы из самоцветов.

А кому же достался «Солнечный камень»?

Таняе призы получили победители соревнований. Призы сделаны из знаменитых уральских самоцветов. Справа — границы Василья Антоновича Дмитрия.

Его присудили победителем биатлона по хоккею — команде цеха нормалев автозавода. Капитан этой команды, молодой саратовец Борис Жмаев, был настоящим героем дня: он забил наибольшее число шайб.

А неподалеку, на Ильменских горах, состоялся саломонисты. И здесь одержал убедительную победу автозаводчик.

Но в «Белой олимпиаде» участвовала не только молодежь. Вместе с юными чемпионом фигуристам в последнем туре вылезли закружились два седовласых спортсмена — семидесятидвулетний инженер-металлург Андрей Львович Можайкин и шестидесятилетний инженер Александр Андреевич Тоиков. Впрочем, в празднике приняла участие и представительница младшего поколения Тоиковых: на конькобежной дорожке и на хоккейном поле с успехом выступила внучка Александра Андреевича, Виктор, студент автомеханического техникума.

До позднего вечера гора «олимпийский» огонь в Мясской долине. «Белая олимпиада» удалась на славу!

— Теперь будем готовиться к летней, «Солнечной олимпиаде», — сказала мне в «олимпийском» оргкомитете. — Скоро снова взойдут пять колец над Мясской долиной.

Л. ВИНОГРОВА

г. Челябинск.

ПТЬ К КРЕМЛЕВСКОЙ СЦЕНЕ

Тамюта зала. Амфитеатром ряды зрителей. Вадим Рубинский сейчас не видит их, не думает о них. В его исполнении на сцене страдают, радуются, действуют Александр Бедерников — герой пьесы А. Арбузова «Годы странствий».

Три года назад театральный коллектив, участником которого является В. Рубинский, впервые сыграл «Годы странствий». Но предстоящий спектакль в Кремлевском театре будет отличаться от премьеры своей глубиной, продуманностью, профессиональной серьезностью. Это, по существу, заново рожденная постановка. Спектакль в Кремлевском театре — экзамен на творческую зрелость артистов.

Кто же исполнител? На программе изображена дымившаяся заводская труба и легковой автомобиль. Это эмблема Народного театра Горьковского автозавода. Режиссер театра — заслуженный деятель искусства РСФСР Н. В. Никольский.

На сцене играют автомобильстроители: технологи, слесари, станочники.

РОЖДЕННЫЙ НА ЗАВОДЕ

Жанна Савицкая еще в детские годы мечтала стать артисткой. По-

желуй, ни один школьный спектакль не проходил без ее участия. Но родители посоветовали ей: у тебя сначала жизнь, потому талант всегда найдет себе дорогу. Жанна окончила техникум, стала конструктором. Со смехом и на смеху шла она теперь вместе с парнями и девчатами в спецовках. Эта рабочая молодежь трудилась, любила петь песни, смеялась. Эти люди были искренни и непосредственны в своих мыслях и поступках. Жанне очень хотелось рассказать о них со сцены, создать образ современника. И она поступила в самодельный драмколлектив.

А вот технологу кузнаного корпуса Вадим Рубинский на занятии драмкружка пришел случайно, звадно с товарищем. И... остался, увлеченный искусством перевоплощения.

Трудный путь солдата в годы Великой Отечественной войны прошел диспетчер цеха комплектации Николай Сельников. На сцене Центрального клуба Горьковского автозавода выступал он, когда стояла тут танковая часть. Прямо после спектакля танкисты уходили на фронт. А когда смолкли орудица, Савицкая вернулась на завод и на клубную сцену.

В 1959 году я окончила среднюю школу. Я уже давно решила поступить в геолого-разведочный институт и стать геологом. Не подумайте, что меня привлекает только романтическая сторона этой профессии — работа геологом, эта любовь и меня вознесла из приключенческих книг. Мне пришлось много исходить в туристских походах, и я знаю, во многих местах жить в туристских походах, чем предаться в геолого-разведочный институт. Мать Сибири. Для меня нет лучшей профессии, чем предаться геологу. Однако родители категорически запретили мне поступать в геолого-разведочный институт. Но я слезами завалила, что эта специальность мне дала много, что работать будет интересно, и я буду слышать, а затем вся романтика исчезнет, и я буду специалистом человеком. Мне предложили: или медицинский, или ninguno. Лучше быть хорошим рабочим, чем плохим врачом. Но, работая, я еще раз убедилась, что мое решение стало геологом. Было правильным. Дорогая редакция! Я хочу, чтобы вы помогли мне разобраться в моих сомнениях и переживаниях. Неужели женщины-геологи так несчастны, как говорят об этом моя мать, и работа геолога интересна только в детях пор, пока ты молод? Очень прошу ответить на мое письмо.

Татьяна ВОЙНОРОВИЧ

Новосибирская область.

По вечерам в одной из комнат Центрального клуба собирались участники драмколлектива. Как бы ни уставали за день, они непременно шли на огонек этой комнаты. Чтение пьес, разучивание ролей, репетиции... Сначала ставили одностопные пьесы, потом — в несколько действий, с декорациями. Обычно выбирали произведения о современности: они были близки широкому зрителю по духу и мыслям.

И когда Н. В. Никольский предложил сыграть «Егора Булычова А. М. Горького, к его предложению отнеслись настороженно. Не-

которые говорили: «Мы не профессионалы, не справимся».

Николай Васильевич Никольский, в прошлом режиссер театра, сумел увлечь драмколлектива горьковскими образами: умным, талантливым Егором, открытой, прямой до дерзости Шуркой, душевной, преданной Гаффриой.

И заводские артисты вновь и вновь читывались в пьесу, размышляли над каждой фразой, искали подтекст, додумывали биографии героев, разбирали их поступки. Они сумели раскрыть не только трагедию большого — трагедию большого, сильного челове-

ка, прожившего свою жизнь вне на той улице, но и показать глубокий революционный пафос пьесы.

С «Егора Булычова» по сути дела, начал новую творческую жизнь этот коллектив. В его деятельности появилось то значительное и серьезное, что привело его к званию Народного театра: способности не только с выражением повторять звучный текст, а умение жить на сцене волнениями, страстями, мыслями своих героев.

Постоянной «Егора Булычова» Никольский хотел доказать, что настоящее искусство нельзя делить на самодеятельное и профессиональное, что нельзя быть просто любителем на сцене. И спектакли оправдали надежды постановщика: многие исполнители уже могли называться артистами.

Люс Ведерникова («Годы странствий») — станионка Надежда Куданова.

Сцена из пьесы Н. Погодина «Кремлевские куранты». Роль В. И. Ленина исполняет актер Владимир Батурин. В роли чашечника — Сергей Устинов, помощник начальника корпуса литей.

Фото В. Сакина.

САМАЯ ОТВЕТСТВЕННАЯ РОЛЬ

На сцене заводского клуба появились новые пьесы, комедии, героические и социально-психологические драмы.

И как результат большой, кропотливой работы — образ великого вождя революции Владимира Ильича Ленина.

Володя Батурин, исполняющий роль Ленина, пришел в самодеятельный коллектив почти одновременно с Жанной Савицкой, Вадимом Рубинским и другими «старичками».

Года два назад, во время образования военной службы на Северном флоте, Володя отстал от бородки. Глазгули на него товарищи, удивились: у Володы было вешнее сходство с Лениным. Об этом эпизоде вспомнил, когда коллектив стал готовиться к постановке «Кремлевских курантов» Н. Погодина. Но дело было, конечно, не только о бородке. Володя давно хотело воплотить на сцене образ Ленина и сыграть так, чтобы раскрыть всю многогранность, обязательность характера Владимира Ильича, Батурин пере-

смотрел многочисленные фотографии, слушал пластинки с записью голоса Ленина, всматривался в портреты Ильича, читал мемуарную литературу, смотрел кинофильмы о Ленине, изучал произведения великого человека.

После премьеры, когда стихли аплодисменты, Батурин сказал:

— Если образ Ленина получился у меня удачным, то в этом мне помог весь коллектив. Мы все вместе создавали спектакль о вожде.

БЛИЗКОЕ И ДАЛЕКОЕ

Говорят, что сам творит искусство, тот и больше понимает его. Так и получилось и в Народном театре Горьковского автозавода.

В одной из клубных комнат идет репетиция. Студья заменяют декорации. На диване «сфурфур» Гоголем и Сталин «Дача цветов». И Вадим Рубинский выступает в совершенно новой роли — в роли режиссера спектакля. Он так же требователен к артистам, как и опытный Никольский.

ВЫБОР НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Моя дорогая незнакомка Таня!

Редакция журнала «Смена» познакомила меня с твоим письмом и попросила ответить на него. Попытаться это сделать, хотя и не убеждена, что разом рассею все твои сомнения...

Я геолог, работаю на этом поприще более тридцати лет и, поверь мне, ни разу не пожалела о том, что избрала такую беспоконную профессию. Может быть, именно потому, что я очень люблю свою работу, меня так тронула твоя настойчивость а желании стать геологом во что бы то ни стало.

Конечно, любить свое дело обязательно не только для геолога, но и для человека любой другой профессии. У меня на памяти немало примеров, когда люди становились несчастными оттого, что в силу различных обстоятельств брались за работу, которая потом оказалась для них чуждой и неинтересной, не увлекала, шла без успеха. И часто уже на склоне лет такой человек осознал, что ошибся а выборе специальности. Хорошо, если хватало мужества и упорства на то, чтобы изменить профессию и перекалцифицироваться. Но не у всех было такое мужество...

Геолог, на мой взгляд, особенно важно любить свое дело. Ведь работа наша, как ты

сделаешь, нелегкая. Нет, не одна романтика сопутствует труду геолога, наоборот, у него гораздо больше будней, тяжелого, а значительной мере физического труда.

За что же в таком случае я люблю свою работу, спросишь ты. И за то, что в маршрутах дышу свежим, горным воздухом, и за то, что часто приходится заниматься в таких местах, где раньше не проходил человек, — за все то, что ты называешь «романтической стороной этой профессии». Но больше всего я люблю свою работу за радость творчества, которую она мне открывает, за возможность путем наблюдений и анализа все глубже проникать а суть процессов и явлений природы.

Скажу тебе прямо, Таня, что работа наша не только романтичная, но и крайне ответственная. Ведь мы разведываем по нашим следам идут строкителы, возникают шахты, рудники, рабочие поселки, города. Спустишься, например, а шахту и видишь, как с надеждой смотрят на тебя, геолога, рабочие-горняки: куда смещена жила, почему она оборвалась, в каком направлении следует просить вывернуть боту? Разве можно тут ошибаться? Ведь каждая наша ошибка — это сотни и тысячи часов напрасно затраченного труда!

Для чего я пишу все это? Для того, Таня, чтобы ты ясно поняла, что профессия геолога заключается не только а многочисленных путешествиях и переводах а связанных с ними жизненных неурядицах. Прежде чем окончательно выбрать свой путь а жизни,

тщательно проверь, чувствуешь ли ты в себе призвание к этой профессии, к этому-нашему юномуче увлечению дальними поездками а незнакомые места.

Признаюсь, что а юности и у меня были большие колебания а выборе специальности. Наряду с геологией меня привлекал а себя литература. Я ходила а геологические экскурсии и а то же время была членом Туркестанской ассоциации пролетарских писателей, печатала стихи в комсомольской и «взрослой» прессе. Школьнице учителя настоятельно советовали мне избрать литературу своей специальностью. Но я чувствовала, что не знаю жизни и у меня нет материала для литературных опытов. Тогда я, как и ты, Таня, решила пойти работать на производство. Год работы дал мне возможность более сознательно подойти к выбору профессии.

Правда, тогда девяти-геологов не очень жаловали: старые специалисты решительно отказывались брать их а экспедиции. В первый раз а вынуждена была поехать переводчиком (с узбекского языка на русский) во второй — (с узбекского на русский) моя лошадь, на которой а переплывала Мунку-су, сама а выплыла камнем-то чудом. Не легче было и а другой год, когда наша экспедиция разгромлена басмами а многих моих друзей убито. Всего

Режиссер Народного театра Н. В. Никольский проводит занятия по актерскому мастерству — это «Самый веселый случай в моей жизни».

Проникнуть в сущность многих ролей, уметь подкаст артистам жест, интонацию, найти нужный поворот какого-либо эпизода, придумать мизансцену — для этого необходимо большой кругозор художника, мастерство педагога. Все это Рубинский приобрел здесь, в театре.

Зачетная книжка студента экононого отделения литературного института имени Горького Володи Батурина тоже говорит о вдумчивом и серьезном отношении к искусству. В этом ему помог Народный театр.

Театр оказался и хорошей жизненной школой для артистов.

Оля Замкина, учительница младших классов, не новичок на сцене, она уже сыграла несколько не-

больших ролей, «больше естественности», — требует от нее на каждой репетиции режиссер. И Оля сама чувствует, как с каждым разом правдивее становятся ее жесты, движения.

Вечером репетиция. А утром десятки ребячьих глаз в школьном классе устремлены на нее. И тут уже не Никольский, а сама Оля контролирует каждый свой жест и поворот. Ведь дети — народ чуткий и не потерпит никакой фальши ни в поведении, ни в разговоре.

Отец и мать Фаныи Аксеновой работают на автозаводе. Она сама недавно окончила десятилетку. Хотела поступить в педагогический, но не прошла по конкурсу. Стала работать лаборанткой. Как быть

дальше, еще не решила. Сейчас ей поручена роль Кати в пьесе «Два цвета». И может быть, Катя, которая она будет играть и которая так же, как и она, вступает в жизнь, подскажет ей, по какому пути идти.

ВТОРАЯ ПРОФЕССИЯ

Были моменты, когда некоторые из теперешних «ведущих» артистов автозаводов искали театр на стороне. Поступали в театральные училища. А потом возвращались в самостоятельную коллективу, не решившись бросить завод, и думали: отказались от «настоящего» театра навсегда. А театр родится тут же, на заводе. И спросите те-

перь у Вадима Рубинского, Льва Горбунова или Жанны Савцкой, хотят ли они уйти в профессиональный театр.

— Оставить завод, наш театр! Ни за что!

Ведь все их жизнь связана не только с заводом, с их первой профессией, но они выйдут на сцену, то теперь туда спешат, чтобы смеяться тонким, искристым шуткам Гольдмана, чтобы побыть вместе со сложными, бесположными и благородными героями Арбузова.

Раньше в кузовном корпусе приходилось упрашивать рабочих взять билеты на спектакли. А теперь култорг этого же корпуса Жена Грязнов волнует из-за того, что билетов может не хватить всем желающим.

И как знак особого уважения к актерам — букетики незабудок возле стоек артистов после спектаклей.

Теперьками в самом хорошем понимании этого слова стали рабочие Горьковского автозавода. Небольшой в прошлом драмколлектив вырос, стал Народным театром. С профессиональным мастерством сыграны первые спектакли.

В своей работе «Немецкая эдология» Маркс и Энгельс писали: «В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются живописью, как одним из видов своей деятельности. И уже сегодня здесь, на Горьковском автозаводе, в Народном театре, все более зрими ростки завтрашнего дня, ростки коммунизма. Вот и тебе, Катя, а может быть, некоторые артисты этого Народного театра станут впоследствии действительно народными артистами...»

Н. ГАЛИМОН

г. Горький.

несколько лет назад в одной из повзод я попал в жестокую автомобильную аварию, которая чуть не лишила меня жизни и навсегда изуродовала мое лицо. Некоторое время я была инвалидом, но, упорно тренируясь, систематически занимаясь физкультурой — плаванием, лыжами — я восстановила трудоспособность и вернулся к любимой работе.

Написала я все это и задумалась: а не запугаю ли я и тебя, Танюша, и твоих родителей такими рассказами? Но потом решила, что выбирешь ты не ту работу, которая, если не нравятся, в дальний угол подставить можно, а все место в жизни. Так что лучше знать заранее, что тебе можно встретиться на избранном пути. Что же касается твоих родителей, то могу им сообщить, что моя мама никогда не была безработной с момм детства. Для нее я и сейчас предмет постоянных волнений и тревог. Но я знаю, что никогда она не пожалела о выбранной мною специальности, видя, как много счастья дает мне эта работа.

Вот и теперь, когда на шестом десятке я решила оставить институт, в котором проработала двадцать восемь лет, и перебраться на Дальний Восток для организации нового Дальневосточного геологического института Сибирского отделения Академии наук СССР, именно моя старая мать уговаривает решиться на это трудное дело. Этим примером я хочу показать своей матери, Таня, что истинная материнская любовь заключается в том, чтобы дать своим детям свободу в выборе жизненного пути,

поощрять их стремления и искания. Ни для кого не секрет, что родители нередко поддаются к решенно судьб своих дочерей и сыновей эгоистическим, «со своей колокольни», искренне стараются уберечь их от лишней трудности и страданий. А может быть, это совсем и не надо? Какая же жизнь без трудностей? Ведь именно в преодоления их, в великом горении, в горячей любви к своему делу человек находит свое настоящее счастье.

«Найди себе в жизни любимое дело, отдай ему свои силы, и оно даст тебе силу справиться с любым горем», — написала в моей тетрадке моя мать, когда я была еще девочкой. И это стало девизом моей жизни.

Некоторые люди, недостаточно знакомые с нашей жизнью, наивно утверждают, что женщины-геологи в связи с частыми передвижениями удается создать свою семью. Могу заверить, что это далеко не так: двое и трое ребят не редкость для «геологических семейств». И особенно интересно то, что дети в таких семьях чаще всего идут по стопам родителей. Когда мой старший сын выбрал себе профессию геолога, я не стала возражать, хотя, конечно, очень тревожусь за него во время его далеких геологических поездок. Младший сын, школьник, тоже хочет стать геологом. Я решила послать его рабочим с экспедицией. Конечно, конечно, ведь мало ли что может случиться, а для меня он еще ребенок. Но уверяю, пусть лучше сам не дает задание, эпохем финт ушами, увидит настоящие, а не только

романтические стороны профессии геолога, которые издали кажется так заманчивой. Вот и тебе, Таня, а бы посаваживать поступить так же: отправляйся куда-нибудь в геологическую экспедицию, удостоверься лично, что это именно та специальность, которая больше всего тебе по душе.

В заключение хотела бы сказать не только тебе, Таня, и твоим сестричкам, которые находятся на пороге самостоятельной жизни, вот еще о чем.

Кем бы вы ни трудились — геологом, поваром, учителем, дворкой, фрезеровщиком, — старайтесь прежде всего быть порядочными, людьми смелой мысли и дерзких поисков. Всякий труд может принести удовлетворение человеку, но при одном условии: если отдаешься ему до конца, если не спускаешь глаза на уже открытым и известным, а постоянно ищешь новое, до тебя не разведанное. И если тебе нравятся быть разведчиком, первооткрывателем, стремись быть им, в какой бы отрасли хозяйства ты ни работала.

Люби свое дело — и оно будет для тебя легким и желанным в любом возрасте и в любую пору твоей жизни.

До свидания, Таня, до встречи в геологическом маршруте!

Екатерина РАДКЕВИЧ,
директор Дальневосточного геологического института Восточного отделения Академии наук СССР, доктор геолого-минералогических наук.

Бродяги призраки

Вот они, рецидивы норичевой чумы!

Все честные люди Германии гневно протестуют против антисемитизма и расовой дискриминации, насаждаемых западногерманскими неонацистами.

Такой след оставили фашистские молодежники на стенах синагоги. Совсем как во времена Гитлера...

Один из тех, кто лисал нацистские лозунги на стенах домов в Вольфе. Пламенный с подлинным, он все еще продолжает кричать «Хайль Гитлер!».

В морозную январскую ночь жители Западного Берлина были разбужены громкими выкриками «Хайль Гитлер!». Полусонные люди испуганно вскрикивали с постелей и бросались к окнам: что случилось? По ночным улицам с факелами медленно двигалась большая группа молодых людей. Они несли фашистский флаг с наукообразной свастикой и распевали нацистские песни.

Может быть, это кадр из довоенного фильма? Нет, то, о чем мы рассказали, произошло в 1960 году, спустя пятнадцать лет после разгрома гитлеровского рейха. Вылазки нацистов, начавшиеся незадолго до Нового года в городе Кальне, словно чума, распространились по всей Западной Германии. Пошаренные безакказностью, фашистские молодежники пробрались и в Западный Берлин, который, как известно, не является частью Федеративной Республики Германии.

Все эти события не случайность. Западногерманские милитаристы готовят смену гитлеровским убийцам, «пущенное мясо» для замалчиваемых ими новых военных авантур. Боннские политики довольно быстро забыли уроки недавнего прошлого. Они открыто проповедуют фашистские идеи в

многочисленных нацистских книгах, солдатских газетах, школьных учебниках, на экранах кинотеатров, по радио и телевидению. Почти треть учителей в школах— бывшие нацисты, внушающие детям, что «Гитлер был великим деятелем».

Около 20 тысяч западногерманских юношей и девушек, одурманенных пропагандой человекаманиястических взглядов, состоят в фашистских организациях. По словам корреспондента английской газеты «Таймс», побывавшего на митинге одной из таких организаций, «молодые люди были одеты в нацистскую форму, а один весьма красноречивый оратор пытался доказать, что Гитлер защищал христианство от большевиков и делал полезное дело.»

Призрак фюрера снова бродит по Западной Германии, а дикая расовая теория взята на вооружение поборниками «холодной войны» во главе с дряхлеющим канцлером Аденауэром. Недавно этот 84-летний старец вместе с сыном — саванционником Паулем побывал в гостях у папы римского. Говорят, что обанкротившиеся политики преклонного возраста нередко выживают из ума и возмалчивают свою персону до

космических масштабов. Видимо, это случилось и с Конрадом Аденауэром. Выступая в Ватикане с речью, он с пафосом заявил:

— Я считаю, что бог отвел германскому народу особую роль: в нынешние времена слушать оплотом Западу против того мощного влияния, которое оказывает на нас Восток.

Не правда ли, знакомая повесть! Точно такими же словами убеждал в свое время и Гитлер немецкий народ. Что из этого получилось, помнит все. Только у Аденауэра оказались «плохая память», как, впрочем, и у тех, кто его поддерживает. А напрасно! Такая «забывчивость» может завести Западную Германию в тупик.

Есть ли выход? Да, есть, отвечает немецкий народ. Надо, чтобы Западная Германия последовала примеру Советского Союза и начала разоружаться, чтобы был заключен мирный договор с Германией, а Западный Берлин превратился бы в колониальный город. Тогда фашисты лишились бы своих позиций, а жители Западной Германии стали бы спать спокойно, не боясь ночных призраков в нацистской форме.

А. ФЕДОТОВ

ОТВАЖНЫЕ ЛАКОМКИ

Эти снимки сделаны мною в подмосковной усадьбе Архангельское. Не думайте, что пчелушка, которая так смело «приземлилась» на ладони, ручья, или что бабочка, запечатленная на другом снимке, дрессированная. Ничего подобного. Пчелки и зверьки очень привыкли к людям, которые приходят сюда с хлебом и крушками хлеба, печеная и недрыжаны орешками. Привлекая сюда москвичам полюбившие эти оттажные лакомки, обитатели Архангельского парка.

г. Москва. А. АРСЕНОВ

ТРЕХ- МНУТНЫЙ РАЗГОВОР

Фотоотчет М. Муразова.

ШАХМАТЫ

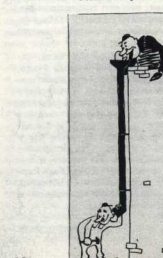
Дружеские встречи

Еще в XVII веке встречались русские с французами на шахматной доске. В 1885 году, во время пребывания русских послов в Париже, им в числе других развлечений были предложены и шахматы. Известный летописец того времени отмечал: «Эти русские превосходно играют. Наши лучшие игроки перед ними — шлонышки».

В середине прошлого столетия заносителем парижского шахматного клуба был Иван Сергеевич Тургенева. Выдающийся русский писатель не только сам превосходно играл, но и принимал участие в организации и проведении турниров. В 1883 году Париж посетил первый русский шахматист Дмитрий Петров. Он здесь несколько раз встретился с любителями, и эти партии вскоре были опубликованы в русском, французском и немецком шахматных вестниках.

В Париже побывал и Михаил Иванович Чигорин. Это было в 1883 году, после лондонского международного турнира. Знаменитый русский шахматист сыграл матч на досках партий с известным французским мастером Аруэ-де-Ривьером. После упорной борьбы Чигорин победил со счетом 9:4.

Думаю, что читателям не безынтересно будет рассмотреть наскаченную стадию пятой партии этого поединка.

По секрету...
Рис. С. Крылова.

Чигорин, несмотря на яростное сопротивление противника, блестяще провел пешечно-фигурный штурм на королевском фланге. Вульгарно назидый ход Чигорина заслуживает восхищения.

Партия закончилась так: 20... h6 21. Кc3 g5 22. Фd1 Фd8 23. Сd1 Лf7 24. Лад Кf8 25. Крh1 Кe6 26. Сh3 Лg7 27. Лf2 g4! 28. Сf1 Крf7 29. Лg2 h5! 30. Крg1 Лh8 31. Кс2 h4 32. g4 Л: h4 33. Кg3 Лg7 34. Лe2 Кf5 35. К: h5 Ф: h5 36. Лe2 Кf6 37. Крh1 Кf3. Белые сдались.

Во время своего следующего посещения Парижа, в 1900 году, Чигорин выступил в крупном международном турнире и удостоился специального приза за красоту игры.

Не раз встречались шахматисты обеих стран и в наше время. В 1950 году москвичи тепло приветствовали чемпиона Франции Шлоз-де-Сиана, который приехал в Советский Союз, чтобы участвовать в международном женском турнире. А

весною 1954 года сборная команда СССР гостила в Париже, где в то время состоялся матч на восьми досках с командой Франции. Советскую команду возглавляли гроссмейстеры Д. Бронштейн и Л. Керес, французскую — гроссмейстеры О. Бернштейн и ныне покойный С. Тартаконер. Товарищеское международное состязание закончилось с равенством партий — 15:15.

Извину, но считаться с материальными потерями, форсировал победу Керес в партии с Тартаконером. После 18 ходов возникло напряженное положение:

Было сыграно: 19. Лb3 Сf5 (или 19... С: h3 20. Л: h3 Сb8 21. К: c5 и т. д.) 20. g4! С: e4 21. de Сb8 22. Сd6! Сe7 23. Сd1 Фe7 24. С: f8 Л: f8 25. Сf5 Лf7 26. С: h7 Лe7 27. e5! К: e5 28. Сd4+ Крe8 29. Сd5+ Крf7 30. С: b7 С: h2+ 31. Л: h2 Л: b7 32. Лe2 Крf8 33. Лf5 Фh6 34. Ф: h6+ К: h6 35. Л: f6+ и вскоре черные сдались.

Мастер Вит. ЛЮБИНСКИЙ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 4

По горизонтали:
7. Зинатор. 8. Стрелок.
9. Гипотеза. 11. Холостяк.
12. Палея. 13. Острог.
14. Янор. 17. Радиомаяк.
18. Грамматрия. 22. Гельс.
23. Векор. 24. Оруж.
27. Годианя. 28. Женщины.
29. Лоджик. 30. Нахиком.

По вертикали:
1. Сиреняч. 2. Барометр.
3. Шопен. 4. Птаха. 5. Веласкес. 6. Пескар. 10. Астрология. 11. Хромометр.
15. Идеал. 16. Опера. 18. Голландий. 19. Ягуришник.
20. Ледокол. 21. Вьндгот.
25. «Париж». 26. «Алчар».

— Опять спазмывает
Рис. нашего читателя Ю. Солина.

— Гражданин! Уберите руки!
Рис. М. Трахтмана.

«Когда же он кончит?..»

— Ты слышишь? Я такая счастливая!..

— Мамочка, я устала гулять одна..

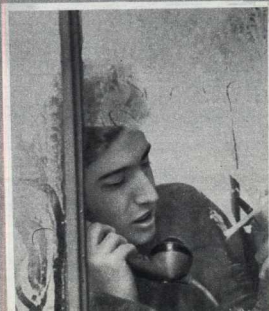

Перед ответственным разговором.

— Отдай монету, я еще не говорил!

— Ну, еще одну минуточку!

— Значит, и сегодня не придешь?

ЧИТАТЕЛЬ ИНТЕРЕСУЕТСЯ...

Нас очень заинтересовала картина Флавицкого «Княжна Тараканова». Расскажите, пожалуйста, о художине Флавицком и о его картине «Княжна Тараканова».

ГЛАСОВА, ЮНЬЕВА

Камчатка,
поселок «Гуричутум».

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ ХУДОЖНИКА

Мрачный каземат Петропавловской крепости. Сквозь решетки узкого окна льется вода. Еще несколько минут — и она затопит камеру. Спасая от будущего потопа, инстинктивно целясь за жизнь, на тюремной койке стелет ульяна. Она знает, что смерть неминуема, что вода вот-вот поглотит ее, но еще, еще несколько минут жизни! Голова ее запрокинута, глаза полузакрыты, руки бессильно опущены, и вся она — отчаяние и безнадёжность...

Почти сто лет висит в Третьяковской галерее картина художника К. Д. Флавицкого «Княжна Тараканова». Сотни тысяч зрителей побывали здесь, и ни один из них не оставался равнодушным к этой картине, до сих пор она волнует своим гуманизмом и правдивостью. Интересно, что в историю русской живописи К. Д. Флавицкий вошел как автор именно этой, одной картины. Она была любимым детищем художника и его лебединой песней.

Выходец из бедной чиновничьей семьи, Константин Дмитриевич Флавицкий (он родился в 1830 году) окончил Петербургскую академию художеств. В те годы императорская академия насаждала консервативные, идеалистические взгляды в эстетике, была провозвестницей казенного, официальной искусства. Ее художники писали картины на мифологические, религиозные или исторические сюжеты, далекие от жизни. Там, в стенах этого «храма живописи», Флавицкий написал картины «Суд Соломона» и «Продажа Иосифа братьям» — обе в традициях классицизма.

Шесть лет провёл художник в Риме. Там он улебезил бюрократической манерой письма, стал не только учеником Брюллова, но простым его подражателем. Новая картина Флавицкого, «Христианские мученики в Колмазе», была подобна «Последнего дня Помпеи». Русская критика разругала это полотно Флавицкого. И это было справедливо: художник стоял в стороне от жизни, не знал ни своей родины, ни своего народа, не видел всех бурных событий, происходивших в стране.

Революционный подъем России в 60-е годы XIX века определил характер русского искусства. Связь с освободительным движением, народность, реализм стали основными принципами литературы, музыки, живописи. Именно в этих условиях Флавицкий долго и мучительно ищет свою тему, свой путь в искусстве. Художник понимал, что в прежних его картинах не было главного — простоты, искренности, естественности. И от библейских героев он наконец обращается к изображению человека,

старается показать его чувства и переживания. Флавицкий заинтересовался легенда о княжне Таракановой.

Выбравшая дочь императрицы Елизаветы, Тараканова якобы претендовала на русский престол. Екатерина II, испугавшись заговора, объявила ее самозванкой и приказала заточить в каземат Алексеевского рва. Там она и умерла от чахотки. Но существовало и такое продолжение, будто бы Тараканова умерла во время наводнения, происшедшего в Петербурге в 1777 году. Очевидно, Флавицкий улебезил именно эта версия, и он использовал ее в сюжете своего произведения.

Повествуя о далеких днях, картина а то же время была прямо обращена к современности. Она звала как вызов против существующего произвола русского царизма. Молодая, прекрасная женщина всего лишь по подобию самодержавной брошена в темницу, обречена на смерть! Своей картиной художник заставлял современников думать, сопоставлять. Вот в чем была глубина содержания «Княжны Таракановой», действительность ее как подлинно реалистического произведения.

Замечательный живописец, Флавицкий сумел подкрепить своей идеею всю композицию картины, все ее детали. В центре внимания зрителя художник оставляет лишь фигуру героини, выделяя ее светом. Остальная часть полотна остается в тени, словно на заднем плане. Убогая камера, соломенный пофен, на который, спавшись от воды, карабкаются мыши, брошенный на койку труп, крохотка хлеба и деревян-

Минувшей осенью я вместе с группой рабочих нашего завода принял участие в туристском походе по родному краю. В районе села Луки мы ударили привал. И, устроившись на опушке леса, наше внимание при-

нял кувшин на столе — все это составляет резкий контраст с роскошной одеждой ушниц, с ее прекрасным лицом и придает картине силу, убедительность. Темный угол, серые стены камеры, холодные, зеленые сумерки — все приглушенная цветовая гамма картины подчеркивает трагизм изображаемого.

Выставленная в 1864 году, «Княжна Тараканова» сразу же вызвала пристальное внимание и восторг зрителей. Глава школы передвижников И. Крамской писал о ней как о произведении высокого мастерства; известный критик В. Стасов говорил:

«Эта картина была прямой результат тогдашней могучей самостоятельной литературы и богород, смелого общественного эстетизма. Она — истинный монумент времени и вместе названная памятник таланта Флавицкого. Здесь этот живописец поднялся высоко над тем, что он до сих пор делал».

Вместе с тем, объективно оценивая картину Флавицкого, необходимо отметить некоторые ее мелодраматичные внешнюю эффектность, красоту. Безусловно, Флавицкий не смог так быстро и бесповоротно встать на истинно реалистический путь. Влияние классицизма в «Княжне Таракановой» все-таки сказались. Вспомни для сравнения «Царевну Софью Репина. В ней почти тот же сюжет: царевна брошена в тюрьму за попытки завладеть престолом. То же тема — человек и смерть. Но как по-разному решены эти темы художниками! Героиня Флавицкого беспомощна, подавлена, она не способна к борьбе, к борьбе с властью. Художник не смог отказаться от того, чтобы сделать героиню прежде всего красивой. Вся поза ее, несмотря на обреченность, измученность, голод; алая бретель подчеркивает бланжеву ее плеч и рук. Все средства использованы, чтобы вызвать chez зрителем сострадание. Художник не смог отказаться от того, чтобы сделать героиню прежде всего красивой. Вся поза ее, несмотря на обреченность, измученность, голод; алая бретель подчеркивает бланжеву ее плеч и рук. Все средства использованы, чтобы вызвать chez зрителем сострадание. Художник не смог отказаться от того, чтобы сделать героиню прежде всего красивой. Вся поза ее, несмотря на обреченность, измученность, голод; алая бретель подчеркивает бланжеву ее плеч и рук. Все средства использованы, чтобы вызвать chez зрителем сострадание.

Смерть настала художника в расцвете творческих сил. К. Д. Флавицкий умер в 1866 году от чахотки, в возрасте тридцати шести лет, так и не успев создать после «Княжны Таракановой» ни одной картины.

Л. ВАСИЛЬЕВА

ЛЕСНАЯ ДИКОВИНКА

Минувшей осенью я вместе с группой рабочих нашего завода принял участие в туристском походе по родному краю. В районе села Луки мы ударили привал. И, устроившись на опушке леса, наше внимание при-

сталкиваясь засохший пень очень странной формы: он напоминал бегущую собаку. Я решил сфотографировать его и снимок послать в «Смену».

Ворис МЕРЗЛАНОВ
г. Ижевск.

Первая страница обложки: Ансамбль Трудовых резервов г. Свердловска исполняет танец «Огневушка». Солнцита — ученица ремесленного училища Лиды Пермской фото В. Савкина.
Четвертая страница обложки: Встреча. Фотохуд. В. Тюкиной.

Главный редактор А. В. Никонов.

Оформление С. Спасского.

Художники не возвращаются.

Технический редактор О. Швова.

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Янсона поля, 28. ТЕЛЕФОНЫ: Секретариат — Д 3-34-24. Отделы — литературы и искусства — Д 3-35-24; очерка и публицистики — Д 3-31-68, информация и спорта — Д 3-36-60, писем — Д 3-31-69, оформления — Д 3-34-22.

А 00244. Подписано и печатно 25/II 1960 г. Тираж 800 000 экз. Изд. № 309. Заглав. 550. Формат бумаги 70x108/16. 1,75 бум. л. — 4,8 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЭХ ТЫ, ВОЛГА-РЕКА!..

Слова П. КУДРЯЦЕВА.
Музыка И. ЛЮБАНА.

Я не знаю, сколько выстрадал,
Потерял совсем покой...
Недоступна и быстрая,
Ты проходишь над рекой.

Припев:

Эх ты, Волга-река,
Глубока, широка!
А любовь от меня
Далека, далека!..

Волгу-матушку широкую
Что мне стоит переплыть,
А с тобою, черноокою,
Я не знаю, как и быть.

Припев.

На тебя гляжу все пристальней,
Не могу никак понять:
Почему бы к верной пристани
Нам с тобою не пристать!

Припев.

Не шути, моя хороша:
Мне сейчас не до того...
Все равно свой якорь брошу я
Против дома твоего!

Припев:

Эх ты, Волга-река,
Глубока, широка!
А любовь от меня
Уж не так далека!..

Неторопливо, широко

